

СМЕНА

5

издательство „Правда“

Переписка С ЧИТАТЕЛЯМИ

Дорогие товарищи!

Должен ли в наше время общественный деятель-руководитель иметь личные интересы? Я говорю о руководителе, по своим качествам приближающемся к идеалу. Должен ли он, например, любить и т. п. Если на это у него будет расходоваться время, необходимо для основного дела, а следовательно, он сможет обывать меньше.

Я очень много думаю об этом, но ни к чему так и не пришел. Сам я работаю председателем комиссии в членской комитете ВЛКСМ. Я хочу построить жизнь так, чтобы каждое мое движение приносило пользу обществу.

И вот поэтому и стал первого зной вопрос: могут ли быть у меня личные интересы? Убедительно прошу ответить.

Василий ОХТИН

Шеговарская средняя школа,
Арангацкой области.

Карл Маркс, заполняя шутовскую анкету своих дочерей, на вопрос: «Ваше любимое занятие?» — ответил: «Ничего человеческого мне не чудно. В этой шутке есть доля правды. Действительно, нельзя создать полный облик Маркса, представив его себе только как страстного борца, глубокого мыслителя, вождем протектарской революции, основоположника научного коммунизма. Мы знаем еще Маркса — влюбленного мужа, Маркса — любящего друга.

Феликс Дзержинский, «железный Феликс», рыцарь революции, когда он был еще юношей, писал из тюрьмы: «Жизнь может меня лишь уничтожить, но никогда не выведет из меня стальные зубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себя, ни измениться... предельно мое сердце может быть лишь моргалью». И этот непреклонный, негибнущий, «железный» Феликс, жизненным девизом которого была борьба, любил свою семью, любил сына с такой нежностью и страстью, на которые способен не всякий добродетельный семьянин. И это не мешало Дзержинскому в его

работе. Наоборот, помогал. Его горячая любовь к детям помогла ему, например, создать знаменитые коммуны для беспризорных ребят.

Жизнь таких людей, как Маркс, Дзержинский, — ответ на наш вопрос.

Коммунистическая мораль никогда не требовала от человека, как аскетизма, подавления всех своих личных желаний. Нет, она предполагает человека, который со всей страстью борется за дело и которому в то же время еще нужно ничто человеческое» — человека многогранного, широкого, который способен глубоко чувствовать, умеет наслаждаться великими произведениями искусства, находить красоту в физическом управлении и т. д.

Вы хорошо пишете: «Я хочу построить жизнь так, чтобы каждое мое движение приносило пользу обществу». Мы стремимся к тому, чтобы личные и общественные интересы гармонично слились. Но если случится, что ваши личные интересы не вполне совпадают с интересами коллектива, общества, то надо суметь ставить выше своих личных желаний.

Согласны вы с нами?

так, что я решил: у нас с ним будет нечто похожее на это.

Потом я заболел гриппом, он был ослаблен. Товарищи ко мне не прислали. Наконец, мне стало плохо, и моя мать позвонила ему, что ко мне уже можно прийти. Он сказал, что придет. Я его ждал. Он в этот вечер не пришел. Не пришел и на следующий день. Я посылал, может быть, он не пошел, и попросил маму позвонить еще раз. Через два дня он пришел. Извинился, что не пришел в тот раз, был занят. Пошел к врачу, и начал торжественно куй-

то. Я не стал услаживать: пусть идет, раз ему некогда. Больше он не пришел. Я его увидел, только когда выздоровел и сам пришел к школе. Но тут я уже не захотел с ним разговаривать. Ему, наверно, было неприятно, но несколько раз пытался заговорить со мной по-прежнему, но это ни к чему не привело. Я решил: конец.

В классе нас перестали называть «счастливыми близнецами».

Мы на вашем месте поступили бы так же.

Я давно уже вышел из школьного возраста, но хочу обратиться к вам, в школьный журнал, с одним вопросом, касающимся моего брата.

Он учится в девятом классе, а в журнале «Равнение» между нами в восемь лет. Я подозреваю, что он считает меня тиранином и мучителем, хотя я, честно говоря, очень спокойный и миролюбивый человек.

Мой брат сверх головы затрубит общественной работой. Он часто берет интервью у председателей советов Осоавиахима, редактор классной стенгазеты. Все эти дела поглощают его с головой. Домой он приходит не раньше чем в 10—11 часов вечера, когда учится в первой смене. Тут он облекаясь в пижаму, если разберется, что не обидел, а завтра-позавтра. Потом садится за уроки. Помню у него конспекты. Ему никто не ставит отметки не только свои уроки, но и уроки в все мои формулы. Больше чем у нас уроки не слат. Вероятно, если бы не готовил просто на перемену. При его влиянии это ему ничего не стоит.

Так живет и учится мой wonderful.

Придется все же отойти на вашу сторону, хотя мы рискуем при этом тепло прислаться «старикам» и «мучителям».

Бывают случаи, когда человек приходится, выполняя общественный долг, забыть обо всем на свете: о друзьях, об отдах, о чтении, о развлечениях. Но вряд ли это имеет отношение к расклевыванию вами случая. Сомневаюсь, что такое пребывание вашего брата с раннего утра до позднего вечера в школе действительно было необходимо.

Иногда естественно было же-лательно потребовать от школы, чтобы брат хотя бы немного разгрузили. Нам тоже захотелось это сделать, когда мы прочитали статью в журнале. Конечно, очень жалко это человеку, кото-

Отвечаем на письма школьников
Василия Охтина, Анатолия 3.
и студента Московского
государственного университета Р. В.

Правильно ли я поступил? Впрочем, предупреждаю вас, что бы вы мне на ответили, я считаю, что я прав. Я проявляю вполне требования к себе же. Я хочу дружить не для развлечения. Пусть у меня дружбе всегда не будет друзей, чем такой, который тамни обо мне того, тогда, когда я могу составить ему компанию для чего-либо катка.

Анатолий 3.
Москва.

Вашим брат. Я сказал ему, что если так будет продолжаться, то я пойду в школу, к директору, в комитет комсомола, и попрошу, чтобы его, во-первых, исключили из числа учеников, а во-вторых, чтобы он не занимался по-человечески. Он в ответ сказал мне, что я много в жизни не прочитал книг, если я это сделаю и выставлю его перед товарищами, как обслепленного хулига. Логика в его словах не была, но и все же не пошла.

Вот так у вас и идет жизнь. Утром он склеивает, как стрелы, и мчится в школу, можно прийти, пролетит все, что поставит, улетит на все в учебника и — спать. Когда я говорю, что он истощает себя, он отвечает, что он не может быть автобиографическим человеком, что он комсомолец и это его долг, как будто бы я не говорю, что это бы общественные обязанности?

На какую сторону станет редуция: на мою или на сторону брата?

Студент Московского государственного университета Р. В.

рый мог бы в школьные годы приобрести блестящие познания по всем областям науки, только расклевывал свою маму.

Нет, прав старший брат. Может быть, он не так уж прогон и мучителен, как он об этом пишет, может быть, его советы и упрёки обещаны в такую форму, что не могут доставить большого удовольствия человеку, но надо быть объективным: он прав.

Всю статью
10,5 см
2 х 15
и т. д.

СМЕНА

Общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК и МК ВЛКСМ для учащихся старших классов средней школы

В ПОМЕРЕ: Р. Ерусаличана — «Перед экзаменами»; И. Френбург — «Когда Париж тащонал»; Оффенди Балачи — «Школа»; Судейкин Сиднейский — стихи; Ю. Иевлев — «Июль Арманда П. Понатор»; — и шесть часов вечера у Большого театра»; А. Крылова — «Искатели»; возложение С. Атанов — «Июль в горах»; «Вой за Перекон»; материалы военно-исторической конференции пилотов; проф. Б. Бердштейн — «Богаче прироста»; И. Шлякел — «Облет генералу Рашу»; М. Далекина — «Белые Серды»; письмо школьников Лены Назаровой «О самом главном»; статья «Зарастает, а есть» — текст И. Беллинского, музыка Е. Жарковского.

№ 5

Май 1941 г.

Год издания восемнадцатый

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 40, ул. «Правды», д. 24, комната 710, телефон Д 3-34-24.

Мои крылья

Я зависел в авиамодельный кружок при Доме культуры имени Павла Морозова. Инструктором кружка был большой ритуальный рекордсмен Зюрина. Он приехал меня и авиамодельнику на долгие годы. Быть на «Тракторку» было далеко. Поэтому, когда открылась районная летная техническая станция, я стал ходить сюда. Здесь я познакомился с хорошими авиомодельщиками Эдуардом Хоткевичем и Василием Комиссаровым. Вместе мы делали сложные, большие модели.

Я построил большую модель самолета с мотором, залил бензин в бак, запустил мотор. Пролетел заverteх, но... модель не летела. Она так и не поднялась в воздух, моя первая модель. Не поддалась и вторая. Пропала многомесячные труды. Инструктор и более опытные товарищи объяснили мне, что нельзя строить такую модель без весового расчета, напалок. Модель весила около двух килограммов, маленький моторчик просто не мог оторвать ее от земли.

Пришлось сесть за книги и расчеты. Летом прошлого года я построил третью модель. Без мотора и безбака она весила всего 250 граммов. Общий полетный вес был 850 граммов. Вместе с товарищами по школьному кружку — я этому времени и имел уже звание инструктора авиамоделизма и организованная в своей 97-й школе кружок, — мы поехали на стадион Павловки. Все

сразу сложилось, когда запустили мотор и маленький пролетел вперед. Самолет раванел из рук, и отпустил его — и он взлетел.

Поднявшись в воздух, мой самолет разложил глубокий взмах и на высоте примерно 90 метров стал описывать большие круги. Мы, ребята, бежали по зеленому луку, лиски и крачи. Когда бензин окончился, модель планировала еще довольно долго. Всего она пролетела около 5 километров.

Зимой этого года я начал строить модель гидросамолета с безмоторным мотором. При размахе крыльев в 1 метр 90 сантиметров модель весит всего 200 граммов (без мотора). Общий полетный вес — 800 граммов. Изделие летом установить новый рекорд за дальность. По моим расчетам, при полете в полтора — два часа она пролетит больше 100 километров.

Сейчас в моем кружке 17 ребят. Все они строят модели и надеются впоследствии бить рекорды. А я начинаю готовиться к армии. Мой товарищ — рекордсмен по авиамодельнику — Василий Комиссаров поступил в летную школу. Эдуард Хоткевич в авиационно-техническое училище. Я тоже решил после окончания десятилетки поступить в училище, чтобы иметь дело с настоящими самолетами.

Василий СУББОТИН,
ученик 9-го класса 97-й школы.

Москва.

Где Гушка Минина?
Поищу искать его.

Пастбища Абаго.

КНИГА О ЖИВОЙ ПРИРОДЕ

Медвежонок.

Тур в горах заповедника.

Фото Тулова.

живал туров — горных козлов; сидел по ночам у гудящих каменных труп; проводил часы у горных ручьев, наблюдая форелев. Он собрал богатейший материал у постоянных и временных обитателей заповедника: ученых, наблюдателей, бывших стеров, партизан, охотников, а также — сотрудников этой громадной лаборатории. Лето, осень, зима, весна, солесный месяц и, наконец, рассказы старого охотника Алексея Власевича Телесова — вот главы книги.

Мы узнаем, как ловят форель при помощи малярии — особой волосистой сетки, затанцовывающейся за жабрами рыбы; мы знакомимся с голосами птиц и зверей; мы вместе с автором строим хищников: расы, барса, кабана, медведя.

«В горах Кавказа» — большой очерк, написанный в свободной манере записной книжки или дневника, куда автор заносит все впечатления, все услышанные рассказы. Внешне книга сюжет не имеет. Рассказ о погоне за туром диких кабанов пребывает здесь воспоминанием случайного спутника автора, бывшего партизана; поэтическое описание природы сменяется рассуждениями о породах ее или о мелких различиях между желтоухими и медоухими. Иногда автор углубляется в вопросы, имеющие интерес только для специалистов. Такие места несколько отяжеляют книгу. Но страница за страницей — и она начинает говорить полновзвучным голосом природы, и вырисовывается скрытый в глубине сюжет — простейший и извечный сюжет природы: зашка удальца и плодородия, давняе туров и вершина и шип, по словам гора; осень, дама, когда следы на снегу изо дня в день ищется повесть о зверях, об их осторожности, хитрости или злобытстве, о бегстве и борьбе; дальше — первые шапки весны, обаяний круговорот природы — колдун, составившее сюжет этой книги.

Автору интересуют и люди, работающие в заповеднике. Партизаны, охотники, следовики, иногда браконьеры в прошлом, сейчас заботливцы, зоологи, ботаники, метеорологи, биологи, они проходят через книгу, и автор стремится дать каждому из них возможность рассказать о себе, о своем прошлом и настоящем.

Но сильнее всего автор в описании природы. Именно здесь самые полновзвучные места книги. Вот как цыряет, оно из них — поэтический гимн костру:

«Костер в горах и лесу на почве — это все. Не нужно ни плавани, ни палаты: их заменит костер. Веселое, высокое являю под густой зрелой пылью прерывает любой дождь и снег в пары и лобой холод — а жар паровой топки.

«Не страшно в джунглях лесах, если есть чем разжечь костер в ненастную погоду. И, прежде всего, научиться выбирать топливо.

«Лучше всего горят буковые и сосновые дрова. Плавя була — высокое, яркое, все время ровное и дает равномерный, неостывающий жар. Но ирче, жарче и ровнее всего горят березовые; но дров корячине-черной смолы рогатые корни кавказской сосны. При свете ее пламям в самую темную ночь можно найти иголку, можно читать самый мелкий шрифт.

«Печерное дерево, весящее дерево — бук и сосна! Они как будто нарочно созданы самой природой на радость лесорубам, охотникам и исследователям для жарих и светлых костров.

В. Бродский

ПЕРЕД ЭКЗАМЕНАМИ

Каждую весну температура в школе будто поднимается на несколько градусов, жизнь становится более быстрой и кипучей. Наступают экзамены — пора военных, разочарований, радости.

Летчики говорят, что научиться летать легче, чем научиться делать посадку. Квалификацию начинающего пилота можно точно установить по посадке. У часто совершающих эти слова во время экзамена. Для многих школьников учиться легче, чем сдавать экзамены. Это проясняют главным образом от вежливости организаторов своих занятий, из-за отсутствия элементарной культуры труда.

Трудно сдавать экзамен тому, кто в течение года учился неровно: отставал и нагонял, снова забрасывал знания и опять подтягивался к среднему уровню. В дни экзаменов такая цепенья редко успевают хорошо подготовиться.

Мне хочется напомнить слова академика И. П. Павлова, обращенные к молодежи нашей страны:

«С самого начала своей работы приучите себя к строгой последовательности в выполнении заданий».

Учите вам науки прежде, чем пытаться войти на ее вершины. Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущее. Никогда не пытайтесь прикрывать недостаток знаний хитрыми бы и самыми смелыми гипотезами. Как бы ни темнел ваш взор своими переливами этот мильный туман, — он неизбежно лопнет, и ничего, кроме конфуза, у вас не останется».

Кроме последовательности большое значение для правильной организации занятий имеет дисциплина.

Дисциплина для многих — просто очень скучное слово. Некоторые понимают ее как известный комфорт для преподавателя, другие — как самоцель. Надо, мол, не расговаривать во время урока, учить заданное от сих и до сих, держать в порядке тетради и учебники. Для чего это надо, иной и не задумывается. Могут сказать заранее, что такой человек всегда будет срываться, так как всегда будет формально и бездумно относиться к своему делу.

Дисциплина не может существовать без ясной и отчетливой цели. Нельзя себе представить дисциплинированного человека равнодушного. Но если он к чему-нибудь стремится, если у него есть воображение и твердая цель в будущем, то для него дисциплина — это средство преодолеть препятствия пути к совершенствованию. Дисциплина — это прежде всего работа над собой и для себя.

Недавно мне рассказали историю одного моего бывшего ученика. Вся школа знала, что Борис К. интересуется авиоконструированием и непременно будет конструктором самолетов. Осенью он действительно держал экзамен в авиационный институт, но провалился и поступил на зуборачные курсы. Товарищи мне рассказывали эту историю с удивлением и смехом. Поражало и смешало их то, что Борис так легко изменил своему призванию.

Меня это совсем не удивило. Я знала, как Борис готовился к экзаменам, об этом мне рассказывала его мать. Утром он встал и сразу хватался за книги, но через несколько минут оказывалось, что ему надо взять из почочки часы или согнать за чернилами. На улице он встречал товарища, соблазнительно помахивающего билетом на футбольный матч, и, как на грех, оказывалось, что играет «Юрпедло», команда, за которую Борис болел уже второй год. Отказаться невозможно. Поедем, изменяю от авиационный, Борис не мог усесть на месте, ему надо было «приветствовать», успокоиться. А ночью он судорожно начал листать книги, просака от начала к концу и все больше убеждая, что все повторить уже невозможно. Как экзамен приходил бедный, с кругами под глазами и, в зависимости от удач, получал плохую или посредственную отметку.

Как можно поверить, что этот юноша очень хотел быть авиоконструктором? Тут дело не только в лени и бесхарактерности, а и в разлужении к своему призванию, вернее, и прилуживанию к истинному у него, наверное, не было. Если человек очень хочет чего-нибудь добиться, он всегда будет помнить о цели и сумеет организовать свое время и самого себя.

Экзамены недаром называются испытаниями, экзамены — не только проверка знаний, но и проверка характера. Была у меня ученица Катя Р. Весь год она училась хорошо, до последней четверти болела и отстала от товарищей. Это была живая, способная девочка, очень увлекавшаяся театром. Она занималась в самодеятельном театральном кружке при клубе завода, на котором работал ее отец. Незадолго до экзаменов Катя предложила сыграть роль Луны в «Коварстве и любви» Шаллера. С этой пьесой кружок должен был выступить на олимпиаде. Очень хотелось Кате сыграть роль Луны, но она отказалась. Она знала, что не сможет выдержать экзамены, если будет в это же время заниматься в кружке, знала, что с плохими отметками ее не примут в театральную школу. Такие решения дались ей, конечно, нелегко. Сейчас Катя учится в театральной школе, и я уверена, что она будет хорошей актрисой, если у нее есть не только желание, но и способности. Говорят, что талант состоит на десять процентов из способностей и на девяносто из трудолюбия.

Некоторые школьники боятся экзаменов (я говорю именно о боязни, страх — не о том волнении, без которого редко обходится всякое большое дело и в котором ничего дурного нет).

Страх — это самое неприятное чувство. Можно оправдать страх человека, который борется с неуверенной студией П. Подлин страх человека во время землетрясения. Но бояться того, что должно исполнить только от самого себя, это — доказательство безволия.

Мне все-таки думается, что страх перед экзаменами рождается от сознания несправильно прожитого года. Может быть, не так уж плохо занимался человек, но все же есть основания быть не совсем уверенным в успехе. Ведь если, подводя итог своей работы, сознать, что често, в погноту мему сполну сил делал то, что должен был делать, то откуда же может виться страх? Стоит подумать, как построить свою жизнь так, чтобы никогда ничего не бояться.

Есть и другая крайность — беспредельная самоуверенность. Вот, скажем, человек весь год учился отлично, педагога и товарища знает, что он развитый, способный ученик. Все это хорошо. Но иногда такое отщепенство начинает считать себя каким-то исключени-

СТРАШНЫЙ СОН

«И снится чудный сон Татьяне...»
А. С. ПУШКИН («Евгений Онегин»).

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Слони сейчас на испаньях,
В тригонометрии сложна.
Любую трудную задачу
Она решает научу.
Да так, что строгий педагог
Вару проследил и шрек:
— Снасебя, мильная Татьяна!
И подрадало и хвало.
Проеделела лишь сон.
Иной образчик прилежания...
Кавш чудна! Не видит он
За ней на парте микрофон...

Но где же тайны ученые?
Она испугана, бедна.
Неуто радномоща?
Свершилось! Плавает она...
Она во сне укасо сонот.
Неуежи она утонет?
Неуежи пойдет на дно?
Скорее кру! Снасите! Но...
Татьяна в ужасе метнулась.
Везде вода... Везде беда...
«Клануть! Не буду никогда!» —
И закричала и... пропонулась.
Ей сон пошел как будто явров:
Татьяна села за урок.

Як. БЫЛАНН.

тельными, появляется самодовольство. Проходит это не вдруг, а постепенно, незаметно для него самого, а иной раз и для окружающих. Наступает экзамен, но молодой человек считает совсем шиком даже не раскрывать учебников.

Кончается это обычно скверно. Мне часто приходилось наблюдать, с какой болезненной улыбкой выходят из класса блестящие отличники, получившие посредственную отметку. Они горько расплакились за перенесенные собственные сны и знания. Так, впрочем, всегда бывает и в жизни.

Нельзя опрометчиво полагаться на свою память. Перед экзаменами обязательно надо повторять курс, какими бы прозаическим занятием это ни казалось некоторым самоуверенным людям.

До сих пор существовал — а в некоторых школах и сейчас существует — неписанный закон, по которому лучшие ученики, забывая о собственных занятиях, считали своим священным долгом тянуть за собой лентяев. При этом масса времени уходила не только на занятия с отстающими, но и на уговоры, убеждения, чуть ли не упрямления: сделай, мол, одолжение, учишь. Все забывали, что имеют дело, в сущности, с взрослыми людьми, которые скоро выйдут в жизнь. В Красной Армии, вузах, на работе опекунов ведь не будет.

Этот вопрос о взаимоотношениях и пестовании людей, не желающих работать, вызвал весьма горячие споры у старшихклассников нашей школы. В конце концов все привело к выводу, что каждый должен работать самостоятельно. В помощи товарищу, конечно, никто не откажет, даже сам ее предложит, но именно помочь, а не опеку. Многие педагоги, приятельские товарищи, которые публично упрекали их в индивидуальности и паразитизме, стали учиться гораздо лучше. Обязательно нужно воспитывать в себе самостоятельность, привычку рассчитывать на свои силы, а не на то, что тебя «вылепят».

Ваш личный успех на экзаменах — это успех класса, успех школы, дело чести всего коллектива. Эта мысль должна придать гордость, воспитывать в себе самостоятельность, привычку рассчитывать на свои силы, а не на то, что тебя «вылепят».

Экзамены — это нашей главной работы. От нас зависит превратить эти дни в праздник своей школы.

Фото И. Гуцвина

убрать не оставши: из него песок сыплется — а рабочих нет.

— Мы с отцом могли бы убрать.

Так и опять нашел себе заработок. Это была менее приятная работа, чем вывоза снега, но она лучше оплачивалась и укрепляла мускулы.

Возьмю то со снегом, то с углем, я сделал одно очень интересное для меня открытие. Мы окружены вещами, которые нам кажутся простыми и доступными до тех пор, пока мы их не касаемся. Лопата... Что может быть проще? Но стоит вам взяться за нее, как она сразу начинает сопротивляться, доставляя вам какие-то свои заботы, и если вы не откроете их и не применитесь к ним, вы очень устанете и почти ничего не сделаете.

Мне никогда не забыть, как я воевал со шпателькой. Знакомый мальш со своей бригадой берет инструментальную школу. Они красят стены, а от окраски парт отказались. Эта работа была невыгодна квалифицированным рабочим. Мы с товарищем занялись за нее. Около трех часов работали, а шпателька зашатавалась и окрасить. И вот я взял и в руки крохотную плоскую лопаточку, с помощью которой нужно было вдавливать шпательку в шель. Кажется, легче легкого! Я весело завернула на лопатку шпательку и прижал к боку парты. Лопаточка выскользнула у меня из рук и упала. Я поднял ее и начал снова. Через полчаса парты все еще не была зашпательвана, а от меня шел пар, и пальцы мои болели, бугорки и держал двухдюймовую гиру. В тот день я не обработал и десяти парт. Но постепенно мы с лопаточкой стали понимать друг друга, и к концу рабочей партии в школе я уже шпательвал окраску на двадцать парт в день.

Приятно было получить за эту работу приличную сумму денег и отдать их матери...

Однако мы с отцом и матерью зарабатывали еще не достаточно для нашей большой семьи, и, когда обнаружилось, что у меня протекла одежда из-за ботинка, это нас огорчило. Но однажды, рося в сарае среди раннего хлама, я обнаружил так называемую «ногу». Это была палка с загнутой на конце железкой. На нее сапожники надевают ботинок при ваке подметки. Я пригнулся «ногу» домой и, к ужасу матери, привнес сапожничать. От старых штиблет оторвал подошву и втул ее на латки. Надел ботинок на «ногу», приладил заветную палочку в шпоре и вчера за полчаса подметки. И притянул «ногу» домой и, запрыгал по комнате. Молотком-то я по пальцу ударил! До сих пор мать вспоминает тот день, когда я сваялся с ботинком, как какой-то кошмар. Ботинок торщился на «ногу», гвозди гнулись и лежали в сторону... Но к вечеру я победил. Теперь пар в ботинке — для меня не проблема.

Как-то у нас сломался стул. Я взялся его починить и окончательно доломал. Зато спустя не-которые время сам сделал пружину. Испортился сп пружинный матрац. Я начал присматриваться к работе матрачника, который чинил мягкую мебель у нас во дворе.

Кое-что у нас во дворе. Кое-что уводил. Потом мы с отцом вывели из себя матрац на двор и привалили к нему спиной. Сначала он у нас получился высотой в сорок сантиметров, но потом мы с ним справились.

Так, шаг за шагом, я завоевываю окружающее меня вещи. И каждый раз, поинича перепорешение пробок или окраска под, я с гордостью говорю:

— Я знаю вас. Вы меня будете слушаться. Я ваш хозяин.

Влада АКИМКИН

ХОЗЯИН ВЕЩЕЙ

Был я еще совсем мальчишкой, когда прочел биографию Ломоносова. Меня поразило тогда в ранней молодости Ломоносов колдов дрова, носил уголь, тонал у своего хозяина пеньку... словом, все делал, чтобы только заработать себе на жизнь и иметь возможность учиться.

И так мне захотелось самому пробовать себе дарору в жизнь, самому зарабатывать, что даже досадно стало: всегда я сит, обул, даже на кино родители иногда дают.

Помню, была тогда зима. Дворник нашего дома вывозил со двора снег в большом ящике, поставленном на санки. Я подбежал к ящику, уперся в него руками, головой и беспомощно брыкался, пытаясь сдвинуть ящик с места. За ящик взялся дворник, и «мы» повели его со двора в сад. Словом, я стал «помогать». Правда, дворник то и дело спотыкался о меня и ворчал:

— Путаешься тут под ногами!

Скоро ко мне стали присоединяться товарищи, и тогда дворник уже не ворчал, обидными силами мы действительно ему помогали.

С тех пор наша компания монополизировала работу по вывозе снега. К нам обращались не только дворник, но и домоуправление всего нашего переулка. И нам платили за явную работу. Так что я уже не брал у отца денег на кино или на книги.

Помню обстоятельства дома изменились: материальное положение моей семьи ухудшилось. Но я уже знал свои силы, знал, что могу помочь матери и отцу. Своей «своей» деятельностью я стал зарабатывать теперь уже не на кино, а на хлеб.

Наступила зима, и снег растаял. Я очень огорчился. Но вскоре мне пришло на ум, что, например, есть какие-то другие источники заработка. Так оно и оказалось.

Однажды по двор детских яслей напротив нашего дома прикатило несколько грузозаков с камнями углем. Уголь свалили во дворе. Смотрю: в котельную его никто не сбрасывает. Пошел к заводу яслей:

- Здравствуйте!
- Здравствуйте!
- У вас тут уголь во дворе лежит...
- Лежит, чорт бы его побрал! Источника

— Подумаше, ма! Наш Петюха хитрилса одать хизию на едгачино — вот это действительно фокус...

О САМОМ ГЛАВНОМ

Год назад мы были в Дарвинском музее. Профессор Котс в заключительной лекции сказал:

— Вот вы скоро кончите школу, будете выбирать профессию. Но все сразу выдвигать свое призвание, но оно есть у каждого. Только для того, чтобы правильно его определить, надо, выбирая работу, думать не о том, где больше платят, где выгоднее, а, как при выборе друга жизни, смотреть, куда везет сердце.

Эти слова ни запомнил надолго. И казалось, что сомнения разрешены.

Но когда пришла пора выбирать самую свою жизненную работу, то противоречия, которые навалились разрешенными, возникли снова. Хорошо тем, кто уже в школе определил свое призвание! Таких звания дорожка ясна.

Но большинство этого призвания не знает. Что же делать? Ждать, пока оно обитает? Или стараться все-таки определить его? А вдруг ошибешься и определишь неправильно?

В школе среди «слабоуспевающих» идут бесконечные споры о том, какая же профессия лучше. Иногда это бурные диспуты, иногда — просто несистематическое рассуждение. Снова и снова обсуждаются все специальности.

Вот инженер — хорошая специальность, и научная и интересная, но физика, черчение... Да, учко, учко, ни литературы, ни истории.

Гуманитарные лучше. Но стоит ли пять лет расширять кругозор только для того, чтобы быть преподавателем в 5-х классах? Так в какой-то профессии находят свои «за» и «против» и недоумевают: существует ли идеальная профессия? А призвания нет как нет.

Очевидно, надо все-таки рассуждать, а не только полагаться на волю сердца. Но как?

Говят только за повышенной заработной платой, действительно, но следует. Каждый должен стремиться к ней максимум, выбирая специальность, надо смотреть, где можно принести больше пользы.

Это — одно из главных условий. Однообразие условий нецелесообразно и материально-бытовых условий жизни. Он них зависит и производительность всего труда. Дело только в том, чтобы не ставить их самоцелью.

Но можно сказать: или тогда, где принесешь больше пользы. Всем ясно, что труд преподавателя, особенно в отдаленных местах, очень полезен, но если ехать не хочется, то мало понимать это: надо знать еще что-то, что привлекло бы себя.

То же самое может сказать человек, который слишком поздно понял, что его работа невнузгательна, неинтересна. Где ему ждать

силы для продолжения работы? Можно ли все-таки получить удовлетворение и от скучной работы? Или надо уже считать себя победителем?

Мне кажется, что все это зависит от того, что человек считает главным в жизни.

Часто говорят: «Главное в жизни — работа». Это правильно, труд может служить основой жизни, но труд многоотраслевой, широкий. Если главное у человека — определенная работа, то стоит его переменить на другую работу, как благополучие рухнет и жизнь почти испорчена.

Главное не может быть узким или односторонним. Главное в жизни — это гармония и широта идей, задач, которую ставит себе человек.

Для того чтобы вести полную жизнь, нельзя видеть только «сегодня», нельзя любить только определенную работу, нельзя жить только личным. Надо видеть, познать будущее и одновременно думать настоящим во всех его проявлениях, бытии у человека и его возможности и в соответствии с этим ставить себе цель жизни.

Если же цель жизни эгоистическая, например, если девушка говорит: «Главное в моей жизни — успех. Без успеха я не понимаю жизни», — это значит, что мажорные представления или опустошают ее (потому что тогда черпать силы для борьбы) или заставляют делать подлости, чтобы удержать успех. Человека же с сильной идеей и верой вряд ли сломит мелкое неудаче.

Наверное, эгоист не сможет стать членом коллектива, так как здесь надо не только брать, но и давать, что растет не в руке. А человек без коллектива — ничто.

Иметь друзей, с которыми можно делиться всеми мыслями, всеми неудачами, на советом которых можно черпать силы для новой борьбы, — это тоже главное в жизни. Одиночество, какими бы идеями оно пронизано ни был, обречено на неудачу. Если человек уверен в том, что за ним сильной силой преданных, готовых помочь друзей, это оправдано и ведет к побед.

И где бы такой человек ни работал, его вера в будущее и любовь и настоящее, уверенность в работе и сознание того, что он и только, помогут ему вымотать любую работу, лишь бы она соответствовала его идеям.

И если для успеха любого дела нужна вера в собственные силы. Без этой веры самые лучшие и правильные идеи останутся на бумаге.

Как вы думаете, товарищи?

Лена НАЗАРОВА

64-я школа, Москва.

В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА У БОЛЬШОГО ТЕАТРА...

И. ИВАНТЕР

Так было условлено пять лет тому назад, на выпускном вечере. Тогда долго не могли выбрать место сбора. Может быть, собраться в школе, ведь здесь, в этом самом месте? Но за пять лет, кто знает, сколько могут перестроить, переобустроить и вообще к тому времени их, пожалуй, уже не признают за своих и просто не пустят сюда. Может быть, назначить сбор у кого-нибудь из ребят или у Ивана Марковича, классного руководителя или у Вали Сарычевой, надежного своего знакомого? Но через пять лет каждый из них может оказаться где-нибудь далеко от нынешнего своего дома.

И решили встретиться в нейтральном месте — у Большого театра: уж он-то куда не сдвинется, не переделает! И так, через пять лет у Большого театра. Первая колонна справа, если стоять лицом к театру.

Никто никому не напоминает. Если кто-нибудь забудет о нынешнем прощальном вечере, о шестилетней (с 4-го класса) школьной дружбе, если всякая жизнь вытеснит из памяти, ни сердца школьных друзей, что ж, пусть не приходит...

Однако эта будущая встреча казалась странно далекой, почти нереальной. Никто всерьез, но-настоящему не представлял себе,

что эти пять лет пройдут. Когда изучаешь историю, с дерзкостью переосмыслишь через века и глыбы, а тут, когда речь идет о самом себе, трудно представить себе это еще раз пять лет. Им куда будет не по восемнадцати, а по двадцати три года. Пожалуй, к тому времени кой-кто уже женится и замуж выйдет, чего доброго, и дети уже будут... На всякий случай условились, на встрече каждый извещается со всеми своими членами и домашними с: с мужьями, женами, детьми.

А как быть тем, кого в этот день не будет в Москве? Пусть присылают телеграммы. Куда: в школу, Ивану Марковичу, Вале Сарычевой? Нет, опять туда же — в Большой театр. Без шутки, так и договорились: присылайте телеграммы на имя директора Большого театра, а оттуда уж можно будет их извещать, сообщив, в чем дело, и извинившись.

...С утра в дирекцию Большого театра пришла телеграмма. Кто-то, не то Дольж, не то Лодж, обнимает всех чертой, больших поклонров. Шлет им привет. Прхздать не может, хотя и помнит обо всем.

Телеграмму прочитали, удивились и решили, что это ошибка почты.

В шесть часов вечера у первой правой колонны стояла Валентина Сарычева. Хорошо,

что они договорились точно, у какой колонны, а то, пожалуй, кое-кого можно и не узнать. Вот тот усталый в шинели ужасно похож на Борьку Жукова, но нет, он прохладит мимо.

Слушается туман, и начался надрывный дождь. Может быть, никто, кроме нас, и не придет? Может быть, так оно и полагается, чтобы только воспитатели помнили о своих пороках, которые стоили им столько трудов и усилий, а те, выйдя в широкий мир, забывают об этой поре своей жизни? Но вот из тумана и дождя возникла чья-то фигура и двинулась к первой колонне. Голоса Румянцева! За ним следом — Гриша Иванов. Потом — Маня Мазурова, Гаина Китаева, Галя Карасова, Борис Романов... И, кого уж никак не ожидали, Сава Сыроткин! Всем было известно, что они вот уже второй год живут у самого Черного моря, в Севастополе. Приехали!

Уже лил проливной дождь, а к первой колонне все подошли и подошли. И каждого встречали таким дивным криком, восторгом и локотом, какой можно услышать только на школьной перемене в каком-

нибудь особенно буйным классом. Уже вокруг первой колонны стали понемногу собираться и посторонние люди, уже сколько толп стал пробираться обеспокоенный милиционер, когда они решили, что пора идти.

Отправились на старому знакомому пути — в Останкино. Шли по старому пешеходному маршруту на проливной дожде, шла и вспоминали: вот с этой горы они когда-то летели на лыжах, отсюда отправлялись в далекие походы, здесь слушали лекции профессора А. А. Вот и старая школа. Хорошо, что они не выбрали ее местом сбора: здесь уже давно не школа, а детский дом. А школа — рядом, но, говоря громким и раздраженным голосом, были бы объективны? Но они не хотели быть объективными. Та была лучше.

Было уже совсем темно, когда они, мокрые и усталые, как после большого пионерского похода, постучались в знакомый дом, к Леле Петровой, где они обычно собирались и равились...

Тут, как говорится в старинных романах, мы их оставили и, пока они будут перелазить стены, сунуться и отогреться, позанимаются с ними проблемами.

Одновременно лет назад это был большой и очень дружный пионерский отряд во главе с вожатой Валей Сарычевой. Итом в школу пришел молодой, горячий педагог Иван Маркович Капустин; он стал старшим пионервожатым. Эти два человека были их самыми большими и близкими друзьями. Когда пошло время, почти все они стали комсомольцами. Их все отличали некоторые пуританские черты. Так, они не признавали танцев и глубоко презирали всех танцующих фойеристов и титов. Они были непримиримы: или — или. Или комсомол, общественная работа, плавание — или танцы. Совместить то и другое было для них невозможно. Нечего и говорить, что они выбрали для себя первое.

В этом классе был сосредоточен почти весь пионерский актив. Их уважала вся школа, а прозвище было у них такое: «Холостяки с авантюризм духом». Они часто не выносили против него: они и хотели бы положительно и трудовыми, как колхозные люди, и все они равились в небо.

Их был еще один человек, они любили его всеми правдами и неправдами, под руководством Ивана Марковича они изучили теорию полета и стали летать. Это была первая школьная авиационная группа в Союзе. Когда они проходили в своем общеобразовательном училище летания, все останки ребята зарывали от восторга и зависти.

Так же яростно они делали все, за что брался: они совершали далекие походы с рюкзаками под открытым небом, они катились на лыжах с высоченных гор, изучали авиационный мотор, завоевывали школьное красное знамя.

В их вневременный моральный кодекс входило: девочка ни в чем не отстает от мальчика. Девочка всегда за мальчиком прыгала с парашютом с 305-метровой вышки, занималась на лыжах с лесной горы, занималась электротехникой...

Таков был этот класс. Незаметно для себя мальчики и девочки стали юношами и девушками, но они решили совсем еще жизнь принести то, что было для них правым законом в детстве и в юности: не бояться опасностей, не стесняться перед трудностями, никогда не отставать и жизнь своей не щадить для родины.

Кончались школьные годы. Вот как писал об этом в классной стенегазете «Планеристы лирически настроенной девятиклассницы»:

«Едем весело. Пускай за окном хлещет дождь. Мы идем в жизнь, шумную, бурлящую, неизвестную, глядя туда, светлая и болдр. Жаль расставаться, да, потому что впереди, когда-нибудь да надо! Счастливого пути, милые школьные товарищи милых школьных лет! Мы уже выросли, мы чувствуем в себе какие-то силы, но еще — это — я знаю — такую озорность — и мы перенервничали все равно. Это не прекрасно? Так бы вот и выпрыгнули из себя куда-нибудь, сотворили бы что-нибудь необыкновенное да такое, чтобы все мир, все люди засияли от радости!»

Это было написано пять лет назад, и вот что случилось: лет все они снова собрались за большим столом.

Нет, не все. Нет с ними милые товарищи, родного человека — Яши Володарского. Яша убит на фронте в боях с белофиннами. Мальчики знали его смелым и отважным товарищем, смелым и ставшим смелым и мужественным человеком, коммунистом и учер, как умирают герои.

Он писал им с фронта. Писал в перерыве между боями, без точек и запятых, торопясь сказать как можно больше. Бледные карандашные каракули карандашом стерлись, а на скатках страниц образовались дыры. Видно, что часто переходили эти письма из рук в руки. Много у Яши друзей.

Здесь они прочитали его письма снова:

«Друзья, я, конечно, никогда не сомневался, что в трудную минуту вы меня поддержите, и не оплывете. Вашим письмам приносит мне большую радость. Как хорошо вспомнить родную школу, родное Останкино, родных друзей! Вы замечаете, что у меня очень часто встречаются слова «родной», «родимые»? Не знаю, чем объяснить, это слово не выходит у меня из головы.

...Итак, я, то есть Яшка, военных (смейно, но факт). Вас, моих дорогих друзей, с которыми я провел все свое счастливое детство, мое детство, молодость, я хочу заверить, что если когда-нибудь умреть, я сумею умереть с честью. Буду биться до последней капли крови... Но, друзья, это я пишу так, на всякий случай. Я хорошо помню, что у нас затоплено одно из помещений, которые мы вместе довольно отраздвинули...»

Прозвонять пришлось без Яши. Он умер, тело его далеко, на Карельском перешейке, в глухой деревушке Райкисен. Но слова его и мысли, как с друзьями, и каждый из них, и если нужно для родины, готов умереть такой же славной смертью, как он.

Гали Каравкова открыла толстую тетрадь и крупным ясным почерком, не изменявшимся за пять лет, сделала первую запись:

«...социалистическую работу верный воинской присяге Володарский Яков Давыдовым был смертью героя.»

Так было условлено пять лет назад: на встрече каждый из присутствующих деринет ответ перед товарищами, что сделал он за пять лет, и, если сделал мало, кто виноват.

Первым читался Давид Завельский. Первый год после школы он работал (как большинство здесь сидевших), а остальные четыре — учился в институте. Будет врачом. В прошлом году сделал первую операцию. Дело было так. Дежурил в клинике. Вдруг привозят студентку, симбиозную трамваем, нужна немедленная операция, а никого на хирургическом. Делать операцию или не делать? Ждать? Но больной может стать хуже, и тогда уже поздно в клинику не поможет. Оперировать самостоятельно, или подождать, пока еще придомо, самостоятельно, или еще не поздно. Вдруг что-нибудь не так? И все-таки решил сделать...

Старушка потом жала руку и говорила: «Спасибо, доктор. А у у него не хватало духу признаться, что он только через два года будет доктором, а пока — студент 3-го курса.»

Гали Каравкова. Впрочем, она уже давно не Гали, а Галина Ивановна. Она преподает физику в школе. Училась в институте, но там не училась, аспиранта. Кроме того у нее две дочери. Конечно, было трудно, но ничего.

Как она все это успевает, присутствующие все еще не понимают. Но, если вспомнить, она еще в школе всегда все успевала, хотя оставалась там не хватало двадцати четырех часов в сутки.

(Мы приводим эти лаконичные отчеты по стенографическим. Такими они и были. Они в другом месте, в другом классе и в другом часу. Тосты, песни разучены сами собой, и мы их тут не приводим. Все отчеты записаны в толстой, специально для этого приобретенной тетради, которая хранится вместе со всем архивом бывшего пионерского отряда.)

Грагоров Иваном. Кончат институт. Готовится стать конструктором. Далеко не всегда писали, но всегда добросовестно все правили, но Иваном становит тем, кем превращается статус с детства, — конструктором. Он еще в школе всегда что-то изобретал, носился с разными техниками, и теперь, несмотря на скитания, все умение окружающим. Но, конечно, сделал настоящее изобретение, и даже его признание друзья не могут опровергнуть этого. Или сконструировал самосвал, принятый в промышленность, как промышленный образец.

Маня Мауэрера. О ней надо сказать подробнее. В свое время педагоги называли Маню «дита природы»: это было великой заменой более точного выражения — «сорин-голова». В младших классах и в школе она была впереди. И именно здесь можно было тогда предположить, что она выберет для себя педагогическую работу.

Тем не менее это так. С тех пор вот как она кончала школу, все эти пять лет она была вожатой. Маня она старший вожатый школы № 287. Первые ее пионеры уже выросли и приходят к ней советовать во всех случаях. Маня вводит в школу пионеров, берет жатой Вале Сарычевой. Маня Мауэрера все время даже немного гордилась этим. Но тут, за встрече, стало обидно: что же это она все идет и приходит к другим, но уже что не успевает? И, почувствовала себя вновь в своем пионерском отряде, который все ей притер, она построила новую физиономию и сказала замолгивая голосом:

«Что могу я рассказать о себе, я, которая прошла тернистый путь от вожатого звена до старшего вожатого школы?»

Но она не могла долго выдерживать этот тон и сказала искренно:

«Все же самое милое и приятное для меня — это сказать, что я люблю школу, но не себе больше радости. Я и жалела ни себя, ни Борис Романов. О нем в тетради записано так: «Научился водить автомобиль. В класс Красной Армии буди водить танки и бронетанки». Маня вводит в школу родную так, как записала ее мой лучший друг Володарский. Если надо будет, умру за нее.»

Валентина Сарычева. Была вожатой, потом — комсомолом, теперь — инструктор ЦК комсомола по школьным делам. «Еще, что было у меня дерзости, стала и в школе, и в жизни, и в этом году, и если вы стали от этого лучше, я горжусь этим.»

Даже в таком кратком виде невозможно привести отчеты всех присутствовавших на встрече. Здесь не написано о Сапе Сергеевну, которая стала океанологом и изучает глубины Черного моря. Об Алле Перунов, которая долго работала на заводе, потом одновременно стала учиться в вузе. Об Иране Марковиче, который попрежнему преподает физику и, наверное, такой же интуитив, каким был пять лет тому назад. О Людмиле Бакинников, которая записала о себе в тетради: «Нужно сказать, гас-то-го-го-го. Маня сейчас контактирует институт, одновременно работает в школе секретарем и преподает математику. И о других, которые в этот день собрались за большим столом у Лели Петровой.

Но здесь за столом все же. Нет Сергея Милославского. Он в отпуске. Притом новую железную дорогу. Нет Лиды Мартен. Она в Эстонии. Врач. Легит деит. Наверно, хорошо лечит, она всегда хорошо делала то, что делала. Нет Боры Жаканова; он тоже далеко — на Дальнем Востоке, в Красной Армии. Нет Вари Морозовой. Она в Ташкенте. Экономист. А эти двое: Жорка Гей и Сеня Морозов в Ленинграде, а не пришли. Не может быть, чтобы они забыли, наверно, приехали и отпустили с работы Жорка — радиотехник, Сеня — шофер-стахановец. Жаль, что всех их нет здесь в этот день.

Ну что же, в конце концов, так оно и должно было быть, но не все они как птицы, сядет в родном гнезде! Они оперились и разлетелись в разные концы. Еще тогда, когда они были пионерами, они все так и думали: другим не сидеть дома, а идти куда-нибудь, никогда не будем хныкать, как бы ни было трудно.

За столом сидит меньше, чем был в классе. Так оно и должно быть. Привел всем классикам друзьям!

ГОДА ПАРИЖ ТАНЦОВАЛ

Эта глава взята из романа «Париже Париж», вышедшего в издательстве «Молодая гвардия» в 1936 году. Роман рассказывает о жизни парижских рабочих в период революционных событий 1914-1918 годов. Автор — известный советский писатель и журналист Илья Зренбург.

Художник Андрей, о котором рассказывается в этой главе, — сын нормандского крестьянина, человек честный и малодостойный. Безответно преданный искусству, посетивший на ирисовых выставках и мизансцене парижских театров-буффонов. Она работала на радио; передает рекламу.

Две первые части романа «Париже Париж» выведены. Андрей в работе над второй, третьей частями романа.

И. З.

Андре повернул мольберт к стене и вышел, уговаривая себя, что в мастерской нестерпимо душно. Все последнее время работа не клеилась. Художник не покрывал лужой, говорил своим школьникам товарищам, что он ничего не понимает в политике. Но это было четыре месяца тому назад; с тех пор многое изменилось; политику не спросил, вошла в его мастерскую. Он теперь с утра читает газеты, прислушивается к разговорам на улице, а говорил все про забастовки, про борьбу партий, про войну. Движение, охватившее город, родило в Андре новый строй чувств; он был самым близким с народом, чтобы не почувствовать силу солидарности, горячее надежда. Да, все это так! Но что ему делать с интормортом?

Как-то Андре прочитал статью об ирригации пшеницы в Советском Союзе. Он любил все, связанное с жизнью земли, и статья прежде всего его заинтересовала как человека крестьянской закваски. Потом, бродя по улицам, он задумался над прочитанным и решил: с живописью лаской. Имеются деревня, которые зацветают впервые на восьмом или девятом десятке. Садовод сажает семки, зная, что плоды увидит его сын, может быть, внук. А тут несколько дней меняют лето несаго крестьян.

Андре заставляла себя работать, но четыре суток снова бросала кисти: не выходит. Вечером наступал час, которого он ждало дожидаясь, сидя у приемника. Жаннет работала в студии «Париж 34», и сочетание ее глубокого, вулканического голоса с пошлыми словами реклам казалось Андре мучительным, как его мыслы.

Он часто спрашивал себя: «Что мне Жаннет?» Слово «любовь» не приходило ему в голову. Он думал о том, что мало ее знает, что, может быть, между ними нет ничего общего, что все это приучил. Он был создан для больших и длительных чувств; привязанность в нем развивалась медленно, запасыясь корнями, требуя терпения и ухода. Андре говорил себе, что надо расстаться с этой блондинкой, но вечером снова думал о том, что мало ее знает, что, может быть, между ними нет ничего общего, что все это приучил.

Как же тут было работать? На десек окрестных улиц неслись красивые флаги бастовщиков камешком. Жаннет расхваливал до нежности, то мистифицировал. Стояли длинные дни привязанности, в нем развивалась медленно, запасыясь корнями, требуя терпения и ухода. Андре говорил себе, что надо расстаться с этой блондинкой, но вечером снова думал о том, что мало ее знает, что, может быть, между ними нет ничего общего, что все это приучил.

В начале июля закиточные кварталы Парижа вымерли. Пресде многие откладывали отъезд на ирисские купальни или на воды до конца месяца, ирисские закиточные машинами дорог или давки в поездках. Но события разогнали буржуа до срока. Уезжали подальше, но уж, уверяя, что центр Франции будет перепол-

Он подумал в Жаннет: — Хотите танцевать?

нен рабочими, добившимися платных отпусков. Перспектива оказалась на пажке рядом с кончатрами и кинематографами не на шутку пугала потугных коммерсентов. Газеты писали, что курорты «загажены». Стационары выбирались в Швейцарию или в Италию. Никто не хотел оставаться в Париже: путевая назначенная на четырнадцатое июля большая демонстрация. Когда-то эту дату праздновали все, но теперь национальный праздник представлялся буржуа торжеством народного фронта, и те из них, кто засиделся в столице, поспешно снимали с домов флаги, чтобы не участвовать в общем празднестве.

В народных кварталах настроение было благодушно. Платные отпуска стали сразу бытом, длинными разговорами о том, где живописные места и в какой ручеек больше рыбы. После бурного июля идея казалась буржуазическим. Правда, коммунисты говорили о контрастности жизни, но их речи охотно забывались за тугороваками, порою повсеместно велосиподом или только что купленным кувальным костюмом. Большинство платных отпусков приходилось на август, и рабочие Париж готовились отправляться четырнадцатое июля у себя. Для одних это означало военный парад, для других — демонстрация, для третьих — танцы на улице.

Уже тринадцатого июля, вечером, блан

были в полном разгаре. Кажется, в Париже не оставалось ни одного безработного музыканта. Все работало: ретро, трубило, приспосабливало, надарывалось. На каждой площади оставили возвышение для оркестра; трубки с медными лицами, со вздутыми на лбу жвалами жалко пнали пилы. Через улицы гулялись гирлянды с бумажными фонариками всех цветов. Кафе выставляли, помимо обычных столиков, все столы, которые только можно было разместить: ободонные, кухонные, карточные. Было жарко, и люди разоблачались, как на даче. Мужчины отплевывали, сняв пиджаки и блясти бляжками подтяжки. На руках у матерей пинались или дремали мляотки. Фокусники галтели огонь, вытаскивали из шляпы шляпки. Уличные торговцы продавали засахаренные фрукты, цукаты, бумажные везера. Поскольку прикитались барки с галдаками, с рулеткой, с тиром; парни закитачили сбивали шарик, претставший на водной струе, или быстро вращающиеся трубки. Пинали карголки с традиционными кончатрами или с молными самолетами.

Отчетливо сказывался провинциальный характер Парижа, который распадается на сотни городков, каждый со своей главной улицей, со своим кино, со своими героями и слеплыми. Центральные районы, по которым в будни сновам прожожие, то есть невзможные, отсугоны. А на площадках рабочих кварталов прожожих не

было: здесь все знали друг друга и были близки семейным.

Андре несёт шовёр бродяга по городу. Он любил народные праздники за их красочность, за неподдельное грубоватое веселье; любил бараки с приличными спальнями, в которых можно сахаром надписать имя любимой. Были и шарманки, традиционную грусть этой огулашнейшей музыки. Но теперь он испытывал одиночество, сиротность, особенно когда вставал в ожидании Бастии. Там, где когда-то, в такой же знойный вечер, люди танцевали вокруг крошечной лужайки. Кружились тысячи пар, издали подобные морской волне. Андре повернул к Сену, а потом поднялся на свою любимую площадь Контрекар; там, среди фантастических вывесок и темновоздушных каштанов, вёсело и весело бродила Бастия. Было это за полчаса от сидла и злигу теплое пиво, когда вдруг увидел Жаннет: она пришла с актерами. Он до того обрадовался, что вскрикнул. Потом, поперев на стуле, поборанил себя все за ту же «басте», он подошел к Жаннет:

— Хотите танцевать?

Она поглядела на него своими изумительными глазами, и они молча закурились. Они так обрадовались этой чудесной встрече, что насупились, одеревенели. Стрельба была целомудренной, и Андре как-то не сомневался, что его рука касается тела Жаннет, что он слышит ее дыхание. Было темно, они задевали друг друга, но ни как-нибудь, что они оба уехали куда-то далеко в поле, в пустыню.

Потом Андре предложил поборнать вместе по городу. Жаннет ответила:

— Я с товарищами. Хорошо, я скажу, чтобы они меня подожили.

Они перешли шаг по узкой, пахот освещенной улице, держась за руки; так хохотали дети впрямь. Жаннет рассказывала про вечер на площади, где рука касалась руки. — Я не понимаю многого, я ведь и газет не читал... Но это было настоящее... Как они слушали! Так они меня растягивали, что я потом шла домой и ревала. Даже не знаю, отчего. Может быть, потому, что было хорошо...

— Я все эти недели ходила, слушала, смотрела. Не знаю, что из этого получится, но заметила, что есть такая женщина, которую, глубоко, я чувствую корнем... А мы с вами приехали к другому, к другим людям: вкуса, движения, быть много, но легкие они, слушают можно. Есть такая растения в поле: срываются с места и катятся неизвестно куда. И все произвольно, случайно...

Жаннет приостановилась и грустно сказала:

— Андре, это мы.

Они вышли на яркую площадь Итали. Музыканты, палуба смех. Жаннет говорила:

— Меню хрупкость удивляет...

— Что?

— Всего. Кажется, я не девочка, можно было привыкнуть, но нет...

Андре был потрясен она говорила за него.

— Почему мы думаем одно и то же?

— Должно быть, об искусстве... Когда я была женой, я тоже чувствовала. Они могут нас считать своими, любить, благоволить, но вот придет минута — и мы окнемем в стороне. Не умеем обиться... Мы вращались вращались, как люди произносят слово «искусство»? Иногда — как начало молитвы, а чаще — как название болезни: тума или азиатская холера. Андре, вы хотите прийти к девушкам? Или вы хотите кататься на каруселях?

Загадочные звери, зеленые и оранжевые, драконы, единороги, котантры подмалывали, падали, неслись. Огромная шарманка ревала: «Ты не узнаешь никогда...» Они взирались на синего слона. Духоту вдруг сменил резкий ветер.

Они снова шли, облизываясь. Молчали. В такую минуту, странно сказать, слово, страшно даже ослышаться или шевельнуть рукой: кажется, что счастье можно респытать, расплескать.

Первой спомчалась Жаннет. Ей стало тревожно: если не уйти сейчас, будет горе! Это — не минутное увлечение: это — тогда тяжело, засыпавшее. Они не могут в такую минуту порваться — этой болезнью, они той же породы... Как он сказал! Да, растение, перекажи-пока... С ним! Нет, это — кровососуществование!

На темном углу площади, под каштаном, среди листьев которого мерцал один, будто заблудившийся фонарик, она его подошла к нему и обреченно некая человека как подарок. Он ее робко обнял, она отстранилась:

— Не нужно...

Он не спросил, почему. Они молча шли назад, к площади Контрекар; молча простились.

Актеры подтрунивали над Жаннет: «Таинственный поклонник...» Она не отступила. Был мучал жажду, и она пила одесное вино, как воду. От вина стало еще жарче, стучало в висках. А шарманка все с тем же ревом жаловалась на неудачную любовь, и смутно Жаннет подумала: «Так, наверно, слон обрывается в любви. Сигальный слон!...» Что она надеялась? Ей захотелось говорить много, громко, быстро — до чего смешной. Ее держали все жизнь под землей. В метро. Нет, лауб-

же — в шахте. Еще глубже — а! Тут Потом вывели и говорят: «Бегите, смеясь, дышите!» А они злятся. Но злость — потому что ей нельзя быть, нельзя смеяться, нельзя дышать. Нет и не!

— Что ты рассказываешь? Кто отводит! — Бастия — это убийство, это злое знакомый. Не бойся, не ты, не актер, Пиншар. Или я. Разве не все равно, кто?

— Да ты попорту выводи!

— Но ты же говоришь, что говоришь? А говоришь тоже нельзя. Скажи, Марешаль, ты когда-нибудь дукала о счастье?

— Нет. О счастье никто не думает. — Вот и неправда! Все время об этом думаю. Бастия — так и думаю! Видишь: как они берегут свое счастье? Под стелюшным колованом, как сыр. Или под бойковыми огнями. И танцуют, танцуют! Сегодня мне могут танцевать. Помнишь стихи: «Побег Лиссабон, но в Париже танцуют...» Тогда сама грисалась. Что же, может, снова затрясётся — здесь. Или откостит новый жукаш. Или придет тума. Или начнут с него падать бомбы. Я не знаю, что... Но какое это хрупкое счастье! Осеребро, Марешаль, не дыши...

Она говорила, и Андре слышал из газет. Рассеяло. Люди расходились по домам. Кто-то рядом твердил:

— Не отворачивай, котик, завтра будем снова танцевать.

При дневном свете она казалась призрачной, а на опустевшей площади вылакала затоптанная ивета, кокура альпийская, окурив, пробки, ласушки.

Когда Андре вернулся к своему мастерскую, розовое большое солнце подмалывало над морем крыш, все теплалось, дрожало. Андре села у окна. Греться в нем мелодично вырвалось. Он вспоминал, все далеко, в темноте сумасбродной ночи, среди горя среди коленокорой лисам бумажники фонарик... Как это сонно... А как усталость несется! Бури и туманы. Да и что несется — ни понять, ни увидеть. Бури и дерево живут по разным календариям...

Андре вспоминала слова Сезанна, над которыми он часто думал: «Нужно долго наблюдать природу. Тогда видимое освободится от влияния света, от всего случайного, и разберется, что такое понимание». Хорошо ему было в тиком. Эхес! Да и времена были другие. А Жаннет сказала: «Не нужно». Что «не нужно»? Хотел? Надеяться? Понимать? Солнце уже было высоко. Город спал, мертвый от усталости, под пыльным светом; свет с'едал все краски. Как слепой, Андре глядела на непонятный мир. Он унес сиди, замер, залитый золотом зяла.

Сварка становится все более научной, чем искусством (из газетной статьи аспиранта Пелеванского института).

«В 10-м. В заученные танце тумы. Я им ра обрелся — не понял, да обрелся — не понял, три обрелся — сам понял, а до них все не дождит».

«Обычная никогда не говорит, если не знает в то доброты, чем главным образом и отличаются от человека» (Джиль Веря «Дерева и в воздухе»).

Самое дорогое — это человеческая жизнь, самое великое — это человеческий разум.

Юбилейное. Громкий кофейный горт, а поперек его уклад «Агелла».

Ум — приплюсненное для размышления (из крессовода).

Время детское: родители свет, а дети тьму.

Обложка замочена в самозащитном, надежде на явля, в самоуверенности от дель интересующих и высших тебя.

Кроме художественного искусства существует еще и художественная правда.

Зри говорит, что первая четверть молча явчат: первая — инаравляющая.

Для характеристики героя очень важна его речь, но и речь автора тоже служит для характеристики автора.

«Неоридири», избившие до полусмерти мальчишка, слушали во вальсному на девушку из их компании.

Хоть сому об пенек, хоть пеняком об сому, — все равно сое не жить.

Человек, которого не провозили и не встречали, которому не инуги и который никому не пишет.

«Приветствуй тебя, пустынный уголочек», — обращается один к другому, глядя его в лицо.

Нель ऐसा должна стоять перед человеком, она обрывает, ведет, не дает отступать.

Не так хорошо, как совершено.

Оказываются, солнечные пятна «арамоняются» делением. Хорошо, что пита на костюме не подвержены этому извращению.

Развивалась, атлет нежных поперечный (адрес).

Человек, у которого есть «своем радости», среди чужих дел, самоуверенный, он думает о своем. В минуту переделки он углубляется своему.

Моя Држ-

записная книжка

Десятиклассница 644-й школы Дина Губинская редко расстается со своей записной книжкой. Сюда она выписывает мысли, замечания или вышелепительные наблюдения, вытиснута по плану, оформляется.

Есть несколько выделенных из этой записной книжки.

Надо пересмотреть методы работы — надо стремиться к самостоятельности, каждый факт должен быть описан.

Разобраться, как баран в сопряжете.

Эгоизм глумит все, он труслив, даже когда и немолод.

случилась после рождения первого ребенка, когда Инесса узнала, что роженец, как «вечному существу», в течение шести недель запрещен доступ в церковь. Материнство — чистый источник жизни на земле — обывало трепком и позором. Бог, учивший этому, не мог существовать: его выдумали люди, ненавидящие жизнь.

Нет бога — есть человек, естество живущий на естественной земле, и если у человека гордое сердце и жалкий ум, он должен взять у этой земли и дать ей лучшее из того, что может. И если гордое это сердце горячо и открыто людям, оно не может быть несчастливо, когда другие несчастны.

Попытки заняться сельским хозяйством, учить в школе крестьянских детей — это первые порывы, в них она не находит удовлетворения. И не

Инесса Арманд.

Никогда Инесса не смогла позвать этого ответа Толстого.

Она возненавидела его философию, «от которой плесенью пахнет», его отречение, его аскетизм, который, считала она, «мог возникнуть только на почве самого трубого и примитивного отношения к любви». Толстой философ всю жизнь был ей чудил и враждебно. Но — и об этом она вспоминала в позднейшие годы — ослепшему образу, созданному художником Толстым, она была ослеплена в ответственные минуты жизни. Речь идет об образе Наташи Ростовой в конце романа. Наташа, отуманенная и опустившаяся, Наташа-«смама». Это слово ударило Инессу как хлыстом. Никогда не ставит она такой и все силы свои прокладает, чтобы и другие женщины были такими.

Мы впервые встречаемся с именем Инессы Арманд в деле «о покушении шестидесяти пяти на жизнь генерала Трепова» в 1905 году («Бюллетень» за 1907 год). Там упоминается об ее аресте — случайном, ибо никакого отношения к посягательству на жизнь генерал-гу-

...Письмо передано Инессе.
—Посла Вam (через Инессу) копии двух своих статей о «Правду» — для осведомления, для справки.
—Посла Вam через Инессу копии двух писем жокв о «Правду»...

В. И. Ленин. Письма.

Подпольные работники не собирают архивов. Судне строки полнейших актов, обрывки писем, случайно уцелевших, да затуманенные временем воспоминания друзей — вот и все внешние следы жизни богатой и счастливой. Не книга, не сказанная повесть предстает перед тем, кто хочет проникнуть в эту жизнь, но бланки, прерывистые заметки, полустертые фразы, отдаленные друг от друга широкими проблемами.

Попытаемся прочесть эти короткие записки со вниманием и сдержанностью, к какой обязывает строгий и чейный образ друга Ленина — Инесса Арманд.

Задача усложняется и тем, что особенность этой жизни не во внешних ее проявлениях, но в глубокой, внутренней напряженной работе. К тому же Инесса не стремилась выдвигаться на первый план. Люди такого склада не занимаются в одном каком-то эффектно эпизод, живописном жесте, блестящей речи. Чужда всякой экалантина, сдержанная, интроверт, Инесса могла показаться почти колодой. В беседе она предпочтала слушать. Однако, когда в 1914 году Международное Социалистическое бюро по настоянию меньшевиков пошло «скупиться» ленинцев и на совещание надо было послать человека, способного выдержать бурный натиск бешенства и клеветы, выбор большевистского центра не случайно остановился на Инессе.

«Мне часто говорили, да и до сих пор говорят: когда мы с вами познакомились, вы нам казались такой крупной и слабой, а вы, оказывается, железная» — с улыбкой вспоминала она. Точно: «железность» этой красивой и замечательной женщины замечалась не сразу. Но разве, говоря ее словами, «сильный человек должен быть непременно жидким, лишеным мягкости и женственности?»

Твердая, ясная воля, сказывающаяся во всех поступках Инессы, определялась рано. Пытка ребенка — гвардейской племянницы, живущей в богатом доме Армандов, — заступился за прислугу, так же как и другой, запомнившийся всем случай, когда подорожок Инесса согласилась и настояла на том, чтобы стать «крестной матерью» нездоровому, «укаса»-ребенка, говорят о живой энергии и упрямой и деятельной жажде справедливости.

Это был пока несостоявшийся, ретрактирный бунт, но не в таких ли вспышках характера, в умысле не побояться и добиться своего — закаляется тот необходимый человеку мускул, который Инесса впоследствии назвала «мускулом воли»?

Инессе восемнадцать лет. Она замужем за Александром Армандом и живет под Москвой а имени мужа. Обеспеченные, любимые дети, книги, — в них она знала толк, музыка, в умысле не побояться и добиться своего — закаляется тот необходимый человеку мускул, который Инесса впоследствии назвала «мускулом воли»?

Теперь она заблуждалась против бога. Это

очень-то обогащает участие в благотворительной комиссии по «лучшему участи женщины». Но несомненно эта деятельность открывает перед глазами Инессы неизреченный кусок жизни — страшной, темной, пропитанной.

Надогудельства над женщиной Инесса не простила богу. Как же жить на земле, где женщине покусуют как вепрь?

Как бороться, как унизить прогустину? Один из активных и искренних работников комиссии спрашивает об этом учителя жизни, величайшего знатока ее — Лью Николаевича Толстого. И японский старец отвечает: борьба бесплодна. Так было — так будет. Было до нас — и останется после нас.

бериатора сняты его вещества? Инесса не имела. При аресте у жены потонистого почтового гражданина Ариадна была обнаружена не зеролевская, но социал-демократическая литература.

С 1904 года Инесса в партии большевиков. Шестьдесят лет — до дня смерти — ее воля, незаурядные способности, обильные знания отдали партии. Ее судьба — малая судьба одного человека — ажита и большую судьбу партии. История ее жизни тесно переплетена с историей партии.

Это не просто красивая фраза, о живой этой связи свидетельствуют главнейшие вехи жизни Инессы Ариадны.

В 1905 году она участвует в революции. Годы реакции и спада революционной волны для Инессы — годы тюрьмы и ссылки в далекую Архангельскую губернию, годы эмиграции. Когда же в 1912 году внимание партии с особой силой концентрируется на работе в России и на Пражской конференции избрано Русское бюро ЦК во главе со Сталиным, Инесса одна из первых отправляется в интересное подполье.

Перекрестка с работниками всех стран, переводы статей и брошюр на иностранные языки, организационная работа. И что бы ни делала Инесса, никому бы работу ни поручали ей, она отдавала этому поручению все способности и силы. Неаром так высоко ценил ее Ленин.

С Ильичем — так называли Владимира Ильича и Надежду Константиновну в тесном кругу — Инесса познакомилась, познакомилась, в 1909—1910 году в Париже. По-настоящему они поружились поздней осенью 1911 года, в деревне Ложкино, где была основана партийная школа для рабочих.

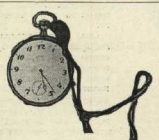
...Длинные деревни тянутся вдоль шоссе, ведущего в Париж. Начало по шоссе скрывают возы, груженные сеном. В Ложкино тихо. В чистеньких двухэтажных камешных домах мирно живут люди, убежденные: так было — так будет.

В одном из таких двухэтажных домов, в тишине похожей на все остальные, находится школа, где учат переделывать мир. Курсы политэкономики, курсы теории и практики социализма в этой школе читает Ленин. Ученики, слушающие эти курсы, приезают сюда с русских фабрик и заводов. В целях конспирации они именуются учителями, называющими своим занятием.

Жители Ложкино очень удивлены, что русские учителя летом ходят боком.

Инесса ведет в школе семинары по политэкономии. В ее доме обитает стужа, там собираются учителя и ученики, а в числе молодой кавказец Серге Орджоникидзе. Там горючо спорят, смеются, отсюда по вечерам компаниями отправляются гулять, посплетать под скирдой, спать над французскими полыми печальными русские песни.

Мало еще рассказано о большевиках-эмигрантах, о лучших делах своей эмиграции, оторванных от нее, о смене печали и надежды, о горькой и страстной тоске по далекой родине.

Часы Ильича

В таких часах музеев нашли себе последний приют вещи — свидетели прошедших

И пусть ты не русская по рождению, но в России прошла твои юности, русский стал твоим родным языком, в России растут твои дети.

Дети... Она брала их к себе при каждой представившейся возможности, но таких возможностей немного было в беспокойной жизни революционерки-подпольщицы. Да и потом было бы эгоизмом переселить их за границу: им надо было учиться в России, жить в России, дышать русским воздухом: там произошло их рабочее Детство. Она разучивалась с ними вновь раз на год. Но сердцем, но мыслями своими она была постоянно со своими детьми.

Длинейший умный человек, она никому не называла разговором о них. Одна из подпольщиц, знавшая Инессу еще по работе в России, рассказывала, как удивлены они были, узнав, что Инесса Федоровна — мать пяти детей. И что все работавшая, товарищ Инесса им заключению, вспоминала, как по Инессе эта женщина в тюремной камере по

Школа в Ложкино.

своим детям, как неизменно что-то мастерела для них, беспокоилась, ждала известий.

Эта любовь была не просто инстинктом, но сложным, глубоким чувством со множеством тонких оттенков. Инесса сумела осмыслить его. Любовь ее к детям была любовью большого человека к растущим людям, которым надо духовно поддержать, помочь своим опытом, научить понимать в себе лучшее и хорошее.

И хорошее. Ох, как мало умных друзей, способных понять, что робкому и придираному к себе человеку иной раз нужнее не ласка, конечно, не закармливание, но справедливое, подтвержденное фактами указание, что не так уж оно плохо и есть в нем ценное, лучшее, чем стоит гордиться, что нужно в себе укреплять.

Инесса была таким умным другом своих детей, участником великих исторических событий.

Внимательно вглядыв и интуитивному уму они рассказывали о днях минувших, о сланных боях и победах, о людях, чьи имена слабо знают благодарная память потомков.

Это часы Ильича. Вы их можете увидеть в Музее Ленина. Он никогда не расставался с ними, часто привычным движением вынимал из железного ящика, справлялся, который час. Ильич знал цену времени, дорожил им и с презрением относился к людям расхлябанным, неорганизованным, nasledившим Ильяшья Обломова.

Когда предстояло заседание Совета народных комиссаров, Владимир Ильич да несколько минут до назначенного часа поднимался из кресла (всегда работал у себя в кабинете), складывал бумаги и торопливо шел по коридору в зал заседания. Он никогда не опаздывал и так умиротворенно смотрел на опоздавших товарищей, что те краснели до корней волос и давали себе слово никогда в жизни больше не опаздывать.

И авторитет ее у детей был непревзойден, недосягаем: матери было самым близким наставником. Мать уважала, как сильного, значительного человека. И не было ли влияние это, по тому разладу с семьей, матери подчас глубокие и плодотворные каждодневные беседы с ней, с Инессой Федоровной?

Письма Инессы к детям — интереснейшие, яркие беседы о важнейших вопросах жизни; недаром одно из них подало ей мысль написать статью о жизни Инесса Федоровна и браке, план которой обсуждал Ленин.

Хочется сказать два слова об этих известных письмах, опубликованных в 1939 году Владимиром Ильичем спорят о значении о понятии «свобода любви», которое может дать повод к неправильному истолкованию книги апологетами буржуазной морали. Подчеркивая роль этой «свободы» в развитии классовых отношений в делах любви, а не о чистоте и честности намерений автора, в которых Владимир Ильич не сомневался. Сама Инесса отнеслась к чувствам и моральным своим обязанностям чрезвычайно требовательно и серьезно.

Но не нужно воспринимать Инессу Ариадну, как сужого человека, отрезанного от жизни, а ее отношения к людям спорят о них. У Инессы при всем стремлении к логике, была совершенно чудя сложистик; живостью, широтой и стремлением обить жизнь во всей полноте вост от ее существа.

Она была превосходным организатором, но организатором особого стиля. Не трибуна, но пропагандист. Не огненность, но стремительность, роль изоботной вихри, она слушателя, а убежденностью, стройностью и глубиной самостоятельно продуманной мысли.

1917... Вес мйрмр охвачен угаром шинэиэма. «Воеждэ» второго интернационала гологовали за военные кредиты. Они провозглашают «мир между классами», «Burgfrieden», «bloke national». Только большевики во главе с Лениным приывают к прекращению войны, к пацифистической к войну гражданскую. Только большевики, говоря словами Инессы, иеуют в массы благоую вещь, что социализм есть.

Инесса послана Лениным в Париж. Здесь настойчиво ведет она по французской социалистической партии пропаганду против войны. Об этом часто рассказывается в письме, полученном Лениным и Крупской в перелетке книги:

«...Должна предупредить, несмотря на всю склонность к оптимизму, что перспективы не кажутся мне радужными. Конечно, наша французская Уния двается вперед, но когда-то будет...»

Поведение оппортунизма приводит Инессу в негодование. Однако она не отказывается. Она хочет воздействовать на членов комитета через секретаря молодежи. «...Во что бы то ни стало нужно издать брошюру о войне... Если с ее содержанием не выйдут оппортунисты, брошюра, то мы... решили издать ее на свои средства...»

Во время заседания членам лежали перед Ильичем. Он внимательно следил за установленным регламентом. И ни чья ни предложение не спасало товарища, злоупотреблявшего временем. Ильич безжалостно прерывал его и представлял слово следующему оратору.

Часто, давая письменные поручения или распрямляя своим оторжанием, Ильич на занятиях указывал точное время: «11 ч. 57 м.», «3 ч. 5 м.». Этим он подчеркивал, что задание важное, что, выполняя его, надо дорожить каждой минутой...

Ильяшья Обломова самый дорогой капитал. Этому учил нас Сталин. Но ведь жизнь складывается из часов и минут.

Научитесь быть хозяином своего времени, научитесь дорожить им и распорядиться им — так вы дорожите и расширяете Ленин, — разве это по благодарная заплата для каждого молодого человека?

...Но какие мысли вызывают эти скромные часы занесения на черном фоне брошюры, что лежат под стеклом в одном из залов Музея Ленина.

ста...Авось не засните нас так это. Брошуру читать необходимо... Так что мы с мужеством, достойным лучшей участи, решили пойти на все же даже на то, чтобы быть сядеными, только бы ее выдать».

Она пишет о Париже: «...Париж и парижане сильно изменились—нет прежней веселости, на лицах что-то соросодоточенное; масса женщин в трауре; громадное большинство женщин с измученными лицами. Первый день это новое, невиданное еще выхождение на лицах так потрясло, что трудно было удержаться от слез. Такого коллективного, массового горя не приходилось еще видеть—и это ужасно».

Это длинное письмо заканчивается шуточно: «Не сомневайтесь, что Владимир Ильич попросит «популярно рассказать о» такое бесконечное письмо. Невозмо-о-о-о!».

Разумеется, Владимир Ильич прочитал это письмо целиком и ответил на него.

После резолюции Инесса Армайд возвращается в Россию. Она ведет огромную, кропотливую работу в Центральном отделе работницы. Она председатель Губсовнархоза, член бюро Московского губкома, член ВЦИК от Московской губернии, работает в журнале, пишет брошюры, налаживает в «Правде» «Страннику Работницы». И все же Инесса Армайд—Глеба Блонина—литературный ее псевдоним—хотела выкратить время, чтобы съездить к близким своим, политкружок, чтобы иногда по просьбе детей поиграть им на рояле.

Как это удается ей? Это ее секрет. Как умудралась она учиться в университете, вести серьезную партийную работу, одновременно воспитывая пятерых детей? Сообразность, очень большая целеустремленность. Ленинский стиль работы.

И все-таки она сжигает себя. Страна голодала—Инесса была не из тех, кто способен довольствоваться хотя бы маленьким преимуществом. В эти труднейшие для нас времена она—прежде всегда изнуренно—встречалась в стареньком, потертом платье, исхудавшая, измученная. Другая вспоминают нетопленную кухню, посещение туалета, выходящего в общий туалет, полное забвение себя. Она была как-то всегда убеждена, что она-то все переживет, ей-то, собственно, все неважно: есть, лечиться, отдыхать. И в Кисловодске она поехала, потому что это что-то «по-Андрюшине...», смилу, и еще потому, что настояли друзья.

Перед этим она провела огромную, напряженную работу по подготовке I-й Международной конференции коммунистов.

Какой усталой была она, говорят все встречавшиеся с ней в Кисловодске. Всегда общительная, приветливая, теперь она почти не могла разговаривать с людьми. Целыми днями блуждала она по горам, с книгой в руках. Многим запомнилась ее стройная худощавая фигура в черном платье и светлой шляпе.

Из этого состояния ее вывел сознание всеобщей опасности. На Кавказе орудовали банды белых, Кисловодск эвакуировался. Она наставляла, что уездет последней, в первую очередь нужно вывезти больных, детей, женщин. Она подождет.

И в пути она не думала о себе. Вспомоглась, чтоб достать продукты для туберкулезного товарища. Ликовала, когда кто-то улаживал для него столик.

В Весляна она заразилась холерой. Трагическая случайность? Но то, что ее организм не смог справиться с болезнью,—это ведь не было случайностью. Перед самой смертью она убеждала врачей: «Оставьте меня. Вы можете заразить. У нас семья».

И еще она беспокоилась, чтоб не заразился Андрюша.

В Москве, на Канзанском вокзале, где Инесса Армайд встречала Ленина и Крупскую. Сколько человеческой горечи в словах Надежды Константиновны, которыми она завершает свое воспоминание об Инессе: «Конечно, мы знаем: «железы умирают, их дело живить, но когда умирает близкий человек,—тяжело это бывает».

Инесса Армайд—друг Ленина, ученица Ленина, усвоившая дух и суть ленинского учения,—похоронена на Красной площади. Когда будете проходить по Красной площади мимо мавзолея, вспомните и об Инессе Армайд.

СМЕНА

ПЯТЬ ПЕРЕВАЛОВ

Вос началось с рассказа Яна Марклевского. Он поведал как-то летом в горном селевня Иксу, побродил по его окрестностям и теперь уверял, что лето без уах горных троп, снежных перевалов и альпийских лугов — пропавшее лето. Так нас извлекли его рассказы, что скоро мы ни о чем другом и думать не хотели.

Копившись тем, что мы организовали туристскую группу в 14 человек и начали угваривать нашего классного руководителя Альфонса Карловича Люббе, омыленного турета, чтобы он возглавил наш горный поход. Маршрут мы выбрали такой: от Сухуйи через перевал Дуг в Иксу, отсюда через Сахарский перевал Главного Кавказского хребта, в ущелье Архыз; потом, другой уез тропой, по долине реки Пашчи, через перевалы Наурусей и Чамаша, обратно в Иксу и дальше на Красную Поляну. На этом маршруте рядом тут предостало в третий раз пересечь Главный Кавказский хребет через Алхазарский перевал.

Альфонс Карлович посмотрел карту, на которую мы наклеили этот маршрут, и, помолчав, ответил: — Очень хорошо. Но мы поговорим об этом позже всерьезов.

И только тогда, когда слышания благополучно кончались, сказал: — Ну, вот теперь мы пойдем».

Началась подготовка к путешествию. Мы чертили карты похода, занимались топографией, тренировались в ходьбе.

И вот, наконец, в разговорах за плечами мы вышли на Сухуйи по узкой, извилистой тропе и направились сквозь лесную чащу в горы.

И горы обступили нас.

До сих пор стою у меня перед глазами картинный видок путешествия.

Вот мы идём по долине реки Пашчи. Деревья высотой в 30—40 метров, толщиной в 3—4 человеческие обхвата теснятся вокруг. Выше, где кончатся леса, распадаются крумовзвучные альпийские луга. И первый раз в жизни видел траву выше роста человека. В Эльбской долине мы даже заблудились в этой высокой траве: она скрывает от нас тропу—и мы так и завоочивали на лугу, а на следующий день продолжили путешествие по коммуну, путаясь в зеленых зарослях.

Выше альпийских лугов идут скалы, серые крутые обрывы, по которым шумят водопадам и водопадами: это туман снега на вершинах гор. А вкрутом, величественно поднимающиеся к небу, стоят снежные вершины, недотушки, молчаливые, чуть прирванные серыми облачками, которые летят где-то сбоку, на склонах.

Но пришлось не только любоваться красотами природы: часто мы попадали в трудные положения, и нужна была большая выдержка и выносливость, чтобы выйти из него.

Вот, например, Сахарский перевал—высота—2500 метров. Начавшаяся на самом перевале. Мы расположились на ночлег среди острых скал. Развешев котел и поставив палатку нет возможности: так крут склон перевала. Поужина сухарями и плиткой шоколада, мы кое-как укрепились меж камней, но заснуть не удалось: начался дождь, холол пронизывал утесом.

Утром, утомленные бессонной ночью, мы совершили спуск по северному, снежному склону перевала. Спуск крут, ноги скользят по снегу. Держась за веревку, мы гуськом двигаемся за Альфонсом Карловичем, который прорубает ступеньки в долиной коры. Северный шаг—и ты попадаешь под обрыв, где громады скалы.

Еще труднее был переход через Наурусей перевал, где нас ждал туман.

Снег. Тромн нет. В двух шагах ничего не видно. А тут еще пошел дождь. Мы сели на скалы, торчащую из снега, и, накрывшись палаткой, тесно прижалась друг к другу, чтобы хоть немного согреться.

—И пойду на разведку, попытаюсь найти перевал, а то мы тут замерзнем,—сказал Альфонс Карлович.—Ждите меня. И он свалился в тумане.

Мы ждали часа три, начали уже беспокоиться об Альфонсе Карловиче и хотели отправиться на поиски, но тут неожиданно, к нашей общей радости, раздался его веселый голос:

—Опять мы, держась за веревку, стали карабкаться вверх, к вершине перевала. Исцарапали в кровь руки о твердую кору скалы, порвали брюки. Но все лезли и лезли дальше, снова вверх.

И, наконец, когда добрались до самой вершины перевала, туман внезапно рассеялся, над нами заблестело голубое небо, и яркое солнце весело осветило горы Главного Кавказского хребта, чудотворные снежной цепочкой в серую дугу дала.

На перевале мы сложили на нашей пирамидку и спрятали в нее банку изпод банюных кубиков, в которую положили запяски с нашими фамилиями. Два года уже на этот перевал никто не поднимался, поэтому-то и исчезла тропка, ведущая в Иксу.

Наурусей перевал никому нас научил, и дальнейший путь казался нам уже легким.

Всего мы прошли по горам 420 километров и взяли приступный путь перевалом, из которых самый низкий был на высоте 1888 метров от уровня моря, а самый высокий—выше 3000 метров.

Мы полюбили Кавказ и сейчас снова собираемся в горное путешествие, в более густые и дичие места, по малоследованным тропам. Нам хочется пройти по горам на Халхине и Сухуйи через перевалы Дугуар-Орун, высота которого 3180 метров.

Юрий Борисоглебский

47-я школа, Москва.

ИЗНАТКИ

А. КРЫЛОВА

В прозрачном воздухе Южного Казахстана горы Кара-Тая чернеют, будто таинственный остров сокровищ, со всех сторон обмытый небом: асфальт и сини — весной, синицками и бурными — осенью.

Горы Кара-Тая новизны. Северо-восточный склон их — это тысячные гряды, метров до тысячи, как бы расщепленные сразу же глубокими продольными долинами. Небольшие шумные реки, ворчливо пересекая долины, асфальт и сини — предгорной равнине, спускающейся вскоре в пустыню Музун-Кумь. Лето здесь жаркое и сухое, однако эти мелководные реки не пересыхают никогда. Живительная сила принудительных вод Кара-Тая питает их неустанно.

Здесь нет деревьев. Лишь шиваля, близ реки или оазиса, возникает в мертвом царстве гибкое, смелеее живое существо, пенящееся зеленою, цвет совершенно одиозное.

Гора, о которой геолог так много думал еще в самой Москве, звалась Джикетам-Тал — одиозное дерево, хермес, сплетаясь вокруг, — и геолог подслушал всю дорогу над этим семитемальным названием. Однако, добравшись, наконец, до Джикетам-Тала, он и правда почувствовал в этом горном одиозности, хотя их было трое, не считая лошади, и были они из рода тех, кто превращает лишь воздушность в камень.

«Когда в Мокше охали, что предполагаемое месторождение находится слишком далеко, они отменяли, что в этой-то местности и состоит одно из важнейших его преимуществ. Именно здесь, в Средней Азии, фосфориты необходимы человеку почти так же, как необходима ему вода. И именно здесь их нет. Хитрому должен питаться дальними, хибинскими апатитами. Через всю страну, от Кольского полуострова до пустыней Ферганской долины, должны путешествовать апатиты. Как это сложно, как это дорого, как много транспорта авиации, как много неудобств! Все это было очень обидно геологам.

Уж много лет Научный институт удобрений искал фосфоритные месторождения в Средней Азии. И все — не особенно удачно, пока в Мокше случайно не узнали, что казахстанский геолог Манжаров обнаружил на горе Джикетам-Тал кусок пластового фосфорита. Оказалось, этот фосфорит он содержит очень много фосфорной кислоты.

Промышленные месторождения пластовых фосфоритов не были известны в Союзе, и даже в Казахстане, показывая студентам фосфоритный фосфорит-Тал кусок пластового фосфорита. Оказалось, этот фосфорит он содержит очень много фосфорной кислоты.

сплошной горной породой, вроде угловых или известковых пластов, и содержит 35% фосфорной кислоты. Почему у нас хуже? Это было очень далеко геологам.

Потому, узнав о существовании каратауского фосфорита, Институт удобрений быстро свиряется геолога Пателелова Леонидовича Безрукова, и тот поехал за 3500 километров от Москвы, взяв с собой студента-комсомольца Шенкина, взявшего старую палатку и обычный нехитрый инструмент.

В Мокше была еще зима, шел снег, а в Казахстане их встретили там, как кандалы, жары и огненные топили, от которых пылала степь. В Джикетам-Тале геолог пригласил переводчицу Шакиржанову.

«Однажды на заре они «ахали в горы Кара-Тая. Все склоны считать эти горы пустынными. Все, кроме геологов. Для них на селеню то, что для нас необитаемо. Они умеют читать там, где мы просто слепы.

Затерявшись в траве, корнях, акклимации, как светляки, горнички — для нас всего лишь занятые зрелище. Для геологов они светлячки, постоупающий о зоне рельефа. Летний серошарый ковыль сменился темным — что же, для нас это — только приятное разнообразие красок. Для геологов же это сложный рельеф, тектонических нарушений в недрах, о вероитном сбросе или предполагаемом наклоне.

Наши геолог выжидали в четыре часа утра и шли кувалды в карьер, блин которой был их лагерь. Навешив кашпи — профессионально купленные покровителем, они собирали прокляты. Геологические молотки как бы прирастают к их крепким, потрескавшимся от солнца и ветра рукам, рабочий день начинался. Телета танцуют, похвываясь, на камнях, беззвучно палатку, флисовые баулянки и дерматиновые

чемоданы. Казах был бесконечную весну обо всем, что попадалось ему на глаза:

— Летит нестройный фазан, а-а-а, а я рассмеялся, о-а-а. В степи ахали красные голубы, а-а-а, старый джиддас! русский такой красивый, как тыловым, а-а-а.

Старший джиддас русский, Пателеловым. Песни пели Безруков, маленький и действительно очень красивый, и младший джиддас, верный Шенко, карабалай по словам, караванцы, наравли колени, ушибались, пытались под яростным солнцем, гремели проклятиями и молотками, отбивали куски породы, раскопали, отожгли, как замазочный от ожидания серым стучали куском о кусок.

Им было известно, что когда два куска фосфорита ударятся друг о друга, они издают немалый запах. Сколько кусков перестукивали они! И каждый раз их запах — караванцы или все-таки запах или объяснений, известнейший — и много неприятного. Как это неприятно!

Раз какой-то караванец вперед, остановившись, услышав, что его зовут. Оба джиддасы русские, с боратым лицом, очень довольные, стоили друг против друга, держа в руках кувалды.

— Джиддас! — ах, джиддас, джиддас переводчица! — сказал старший. — Поищи!

Он увидел кувалду о камнях, переводчица доверчиво раздул шнур и ударил, сморщившись, плюнув с глубоким негодованием.

Раз какой-то караванец до той горы — и такая гора штука! Но когда ему все рассказали, экспедиция разошлась уже на двух ямках.

Впрочем, радость эта была неподдельной. Геологи решили исследовать весь хребет, начиная от Джикетам-Тала до той горы. Манжаров нашел пластовые фосфориты. И вот горы Джикетам-Тал, что в 150 километрах от Джикетам-Тала, приключилась, а они нашли то самое значительное, промышленное значение не имеющие пластования. Конечно, геологическое любопытство было удовлетворено: они увидели породу, которую, аром не, в этих местах видел только один человек в Союзе. Но ведь не любительское излечение их сюда, в пустыню.

1 Джиддас — говоруш.

2 Джиддас — жаргон.

станное некло гор Кара-Тая: им нужно было принести пользу, ошущую, реальною.

«Наконец оказалось, что увидели истинный, таинственный, стрелой улетавший в струящийся от зноя воздух. Это и была «Гора одиозного дерева».

Увы, оно действительно было одиозным. Фосфоритов здесь было так мало, что они не могли составить топило приличного объема.

Изначал Джикетам-Тал вдоль и поперек, геологи долго молча сидели у затухающего костра.

С горечью вспоминали они лабораторные анализы манжаровского камня. Караванцы фосфориты обнаруживают под микроскопом всю свою сущность: крупные зерна кварца распагуются свободно в широкую, совсем пологую, и только в редких и узких промежутках между ними ютятся, как бедный родственник, фосфат.

А каратауский фосфорит был как бы весь износ фосфором. Он являл собой под микроскопом кристаллическую массу, образованную большим количеством фосфата, связанным между собой опыт-татом фосфатом, лишь другой генерации. И вот промышленные месторождения таковы: фосфориты не обнаруживаются. А может быть, это сами они их пропустили, не заметили, не распознали? Думать об этом было печально, ведь все было так.

В среде геологов, мужественных и немощных, как «морские вола», не принято говорить о чувствах. О чувствах человека судят здесь по его поведению. А может быть, это сами они их пропустили, не заметили, не распознали? Думать об этом было печально, ведь все было так.

Иногда, отравляясь спать, сказал только.

Иногда, идя в правый геологический лагерь, — иногда не надать духом. Иногда не ишли, — значит, надо встать.

Так было решено идти дальше на север, исследовать каждый шаг шаг. Солнце сияло уже, теперь они были не краснокожие, а чернокожие. Они обрели бордами, обрелись.

Иногда, как казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как они затеряны здесь, среди черных гор, отрезаны от всего мира. Однако им нужно было найти то, что они искали.

В конце июня поехали к долине Кок-Сун. Километром на пятнадцать выдвинули этой долины «Зеленый водоросль» — большой бассейн, в водах крохотной речушки едва достала тридцати сантиметров в глубину. Методически (только эта методичность и стала от мисоидной усталости) они начали стучать молотками, потом проваривать неглубокие канавки, тщательно осматривая их. Со временем в плане песчаных талусов, казалось, во всей долине.

Безруков нагнулся ниже. Ему показалось, что песчаник имеет здесь странный темноватый оттенок, да и стучать, это просто рибит в глазах от солнца. На всякий случай он отколот кусочек: резкий неприятный запах. Желанный запах.

Да ведь это фосфориты, чорт возьми!

Маленький битровый Безруков божился в палатке. Слово о камне — ах, чорт, что он ослеп, что ли! — и побоял, прихрамывая, дальше, не чувствуя

Союз Советских Социалистических Республик — самая богатая из всех стран мира по своим природным сокровищам.

Еще не все разведано геологами, но все месторождения известны, по уже сейчас СССР занимает первое место по многим важнейшим ископаемым.

Нам принадлежит первое место по запасам угля, нефти, железных руд, калийных солей, торфа, апатитов. Второе место мы занимаем по магнетитовой руде и фосфоритам.

За годы советской власти многое, очень многое открыто геологами.

Открыт огромный нефтеносный район между Волгой и Уралом — «Второе Баку». Найдены залежи нефти в стране. Впервые в СССР запасы меди: Ангрское угольное месторождение в Средней Азии; знаменитые хибинские апатиты: крупнейшие в мире залежи асбеста в горах Кавказа — Свердловское месторождение в Горном Алтае; самое значительное в СССР, Сталинское оловяно-полиметаллическое месторождение в Приморском крае; золото на Алтае и Алтае, и т. д., и т. д.

Многое уже найдено, но еще больше предстоит разведать, найти...

боли в ушибленной ноге, Чорт возьми, действительно, кто ищет, тот всегда найдет!

Но он не знал еще всего, что выведет и что суждено ему было найти в горах Кара-Тая.

Следующей весной в долине Кок-Су были выстроены разведочный поселок, кооператив и здравундук, дом ИТР.

В поселке Кок-Су жило уже человек двести разведчиков, опробователей, топографов, химиков, горных техников, буровых мастеров, подсобных рабочих, но считан их чай и домочадцев. По утрам, пробужденное самодельным гоним, это веселое и шумное население отправлялось на работу. Люди разведывали долину Кок-Су. Топографы устремлялись к облабованной ими точке и вели там существование стационарное: стоя под зонтом, они снимали то, что им нужно, так долго, как это было нужно, и издали чрезвычайно напоминали стрелы, спрятавшие голову под огромное крыло. Опробователи шли в камни, брали пробы в мешочки, работники тольки камня в порошке; собственная кокуб-ская лаборатория производила анализы. Горные техники подго-

Нет, Грине здесь нечего делать. Он обязан мне поступить в Институт.

Если хотите стать геологом, поступайте в один из многочисленных вузов, готовящих работников этой профессии: в Днепродзержинский горный институт имени Артема; в Ленинградский горный институт в Московский горный институт имени Сталина; в Криворожский горнорудный институт; в Свердловский горный институт; в Московский нефтяной институт имени Губкина; в Московский геолого-разведочный институт имени Орджоникидзе; в Иркутский горно-металлургический институт (Алма-Ата).

Кроме этого геолого-почвенные факультеты имеются при Московском, Ленинградском, Казанском и Саратовском университетах; геолого-географическо — при Воронежском, Томском, Днепродзержинском, Ереванском, Узбекском (Самарканд), Харьковском, Молотовском, Львовском и Киевском университетах; геолого-почвенно-географическо — при Восточносибирском (Иркутск), Среднеазиатском (Ташкент), Томском и Ростовском университетах.

толяли ворья. На буровых шла непрерывная, трехсменная работа.

А геолог Безруков утром садился на лошадь и вместе с иркутским молотком и рывком отправлялся на поиски.

В течение нескольких лет он выезжал таким образом в горы Кара-Тая большие запасы фосфорита, сорок пять пунктов залегающих.

Каратауские месторождение является месторождением мирового значения, единственным в Союзе и равным, а в некоторых отношениях и превосходящим североафриканские и североамериканские залежи.

Каратауские фосфориты — древнейшие фосфориты мира: возраст их равняется многим сотням миллионов лет. Довольно уже отделили они на своем веку, пора им по-настоящему послужить человеку. А послужить им есть чем:

каждая тонна фосфорной кислоты, став удобрением под хлопок, дает прирост урожая на две тонны.

Обычно толщина пластов жезлаков фосфоритов Союза равняется метру. Толщина пластов каратауских фосфоритов гораздо больше.

Жезлаковые фосфориты, разбросанные среди песка и глины, нуждаются в обогащении. Каратауские фосфориты залегают сплошным продуктивным рабочим пластом и обогащения не требуют.

Жезлаковые фосфориты дают обычно 18% фосфорной кислоты. Каратауские фосфориты значительно богаче фосфорной кислотой.

...В ноябре, собравшись в Москву, Безруков поехал наведомок в горы. В долине, зажатой между горами, было тихо и сравнительно тепло. Наверное геолог встретил бурян.

Бурян в горах Кара-Тая — любимое зрелище для тех, кто читает его описание. Иное дело для очевидцев. Все сливается в темный, колючий вихрь, способный закружить вас, как пылянку. Лошадь не может ступить ни шагу; ветер, от быстроты и стремительности приобретающий плотность, не пускает вперед, позад — обрывает. Нельзя сказать, чтобы бурян особенно благоприятствовал геологическим поискам. Да и вообще вряд ли мог геолог тут на что-то рассчитывать: судя по геологической карте, здесь простиралось сплошное известковое поле.

Вот уже, действительно, желтекая занесла его сюда. А все жалость: все хочется больше да больше найти.

Ветер сдул снег с известкового поля. Это ощущалось по тому, как звенело заклопали лошадиные копыта. Видеть — ничего не было видно. И совершенно непонятно, как в этом слышимом вихре Безруков различил кремни, торчавшие на известковом поле.

Собственной рукой не разглядяши, а он кремни увидал. Должно быть, уж очень хотел увидеть.

Кремни, они должны ведь подстилать фосфориты.

Безруков сполз с лошади. Бурян вылил его с ног... Действительно, это были кремни!

Так было открыто Безруковым месторождение Джамы-Тас.

В горах.

Фото С. Струникова.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ПРОТИВНИКА, ОБОРОНЯЮЩЕГО ГОРНЫЙ ХРЕБТ.

узкий тоннель длиной около 50 метров. Дальше дорога лезла по узкому карнизу, над ревущим горным потоком, через который перекинулась каменная арка. Это и был Чортин мост.

Французы встретили русских еще до моста. Огнем отбили попытку русских взять позицию в лоб. Тогда влево, в обход, на высокие склоны пошли двести стрелков майора Тревогина, а вслед за ними батальон полковника Свинцева. Справа, на совершенно отвесные скалы, полезли триста добровольцев во главе с полковником Трубиновым. Ежeminутно рискуя сорваться, похорить себя и товарищей под камнями, храбрецы добрались до цели.

Противник занял гребни и склоны хребта, укрепил их и так расположил свои огневые средства, что вся местность хорошо протраивается (1). Долина негероически противотанковым иром, проволочная заградительница. Артиллерия и танки свои огнем преградили проходы для движения пехоты (2 и 3). На склонах установлены противотанковые проволочные заградительницы (проволоки и мины), ниже — противопехотный аскар (4). Пехота наступлением не прорывается через бурную горную реку (5). Наступающий скрытно расположил свои машины (6). Танки и пехота ведут бой в полном взаимодействии (7). Противник обринул на наступающих камни. Обойдя скалы танки, люди (8). Несколько отрядов итругнет высоту, вынужденную противником. По этой же высоте ведет огонь и артиллерия (9). Противник скрывается. На отвесных скалах выстраиваются разведчики, артиллерийские наблюдатели, командиры, наблюдатели восток воздушного наблюдения. Они пробиваются на такие высоты в горах, откуда вся местность хорошо видна (10). Артиллеристы с помощью трактора, троса и канат втаскивают орудия на вершину горы, чтобы оттуда скрывать огонь по самым уязвимым позициям противника (11). Между наступающей пехотой и артиллерией поддерживается непрерывная связь. Вот станция светосигнальной связи (12). Все выше в вышине передвигается артиллерия на вьюках (13). Первые раненые. Их эвакуируют на вьючных носильках (14).

НАСТАВЛЕНИЯ

Неожиданное появление полковника Трубинова и его солдат с той стороны, которая считалась совершенно неприступной, заставило французов отступить. Появление на французском фланге отряда Тревогина и Спичкова, также неожиданно вышедших с юго-западу на речную долину, привело к бегству через провал Чортова моста. Перемычу брела русская перепела через реку и завершили операцию.

Обходы и охваты при действиях в горах, преодоление непригодных гор, хребтов и отрогов обеспечили немалое продвижение войскам во время первой империалистической войны.

В декабре 1914 года 11-й турецкий корпус оборонял сильно укрепленную Заванскую позицию. Атаку русские с фронта упорно отбивали гурлами и пулеметами, а с тыла — артиллерией. Тогда было решено взять позицию путем обхода по почти недоступному горному участку. Обходной колонне, в составе четырех батальонов и четырех вышек орудий, предстояло пройти всего лишь пятнадцать километров, но на преодоление их колонна затратила пять дней.

В глубоком снегу, при сильной пурге и морозе, русские медленно, но упорно продвигались вперед. Караваном по обледевшим скалкам, прокладывая в снег тропы, достигали человеческого роста, вытаскивая на себе орудия, русские вечером 2 января 1915 года вышли в тыл туркам. Это сыграло решающее значение, и они, оставив Заванскую позицию, начали поспешно отступать.

В 1919 году товарищ Орджоникидзе с группой боевых соратников совершил переход через Кавказский хребет. В феврале 1921 года бригады 31-й стрелковой дивизии перешли через Манасский перевал. В августе 1921 года германские действующие 32-я и 14-я стрелковые дивизии в 1920 году в горах Дагестана; замечательные операции частей Красной Армии в высочайших горах Таджикистана, при ликвидации последних опорных пунктов басмачества в Матче, Карватине и Дарвазе (1922—1923 годы).

Во время Матчинской экспедиции в феврале — апреле 1923 года наши части, стремясь обеспечить оборонительную позицию басмачей, совершили обходные марши «по недоступным», по мнению местных ополченцев и пастухов, горным громадам высотой свыше 4000 метров, покрытых вечными снегами. В долине Красноваршья карабкался на отвесные скалы, шли по снеговым и ледяным мостам. Разреженность воздуха затрудняла дыхание. Метель, свирепствовавшая в течение двух дней, сбивала с пути. Многие красноваршья отоморозили руки, ноги, но никто из моряков, ни снежные лавины — не оставило хребтов, и они после пятидесятичасового похода вышли в тыл басмачам.

Как же воевать в горах теперь?

Механизированные и моторизованные части в горах могут действовать лишь по долинам, обеспеченным хорошими дорогами. Но обороняющийся в горах в первую очередь выставляет наиболее удобные закрытые оборонительными сооружениями и препятствиями все направления и догасы, доступные для танков и других механизированных средств борьбы. Все дороги и удобные проходы будут минированы, на них будут возведены заграждения и другие препятствия. Высоты и отроги, примыкающие к долинам, будут заняты мощными огневыми средствами, которые будут со всех сторон препятствовать доступу по долинам. Порядок действий в действиях механизированными средствами, как это пробовали итальянцы в Альпах в 1940 году и в горах Албании в 1941 году, приводит лишь к тяжелым потерям у наступающего.

И сейчас судьбу боя в горах решает обход и охват, реннет удар по высотам и отрогам, окружающим долину.

Успех боя в горах зависит от высоты, площади, оснащения мотостроительных частей, танков, полковника пулеметов, минометов, горных орудий, развешенных слабых мины в обороне противника, взбирается на скалы, круча, движется без дорог по хребтам, наносит удар врагу штыком в спину, с тыла и флангов, овладевает командующими высотами и от-

крывает путь механизированным частям. Танки и моторизованные части, проявившие в открытой пехотной борьбе, стремительным ударом преследуют врага, но дают ему закрепиться на следующем рубеже.

Особенно наглядно демонстрирует преимущество удара по хребтам, по труднодоступным участкам местности современная война в Албании. Итальянская армия, богато оснащенная танками, тяжелой артиллерией и автоматами, тысячами орудий, но не имевшая подготовленной для действия в горах пехоты, неоднократно пыталась прорвать фронт греков по долинам.

Итальянцам иногда удавалось вклинуться в расположение греков, но горная греческая пехота сумела удержаться на вершинах гор — «калках» позиций. Обшир штыком и огнем ряд лавин итальянской пехоты сдерживали в своих горах горные позиции, греческие стрелки не дали итальянцам проинфильтроваться и по долинам. В современном бою действия пехоты в горах не будут оторваны от действий других родов войск. Самцы помогут пехоте прокладывать путь, устранить все возможные препятствия, созданные как природой, так и противником. Тяжелая артиллерия, расположенная на отвесных склонах и долинах, сумеет поддерживать пехоту, действующую по хребтам, своим дальним и метким огнем.

Но наиболее надежным и мощным позиционным средством при действиях в горах является авиация. Пулеметными точками, бомбами она подает те основные отсы и опорные пункты противника, которые не сумела достичь своими средствами артиллерия.

Победу в современном бою в горах обеспечит совокупность усилий всех войск, действующих и по хребтам и по долинам.

Для того чтобы с успехом воевать в горах, современная пехота в горах должна уметь, по мнению, что боевые действия в горах — это двойная борьба: с противником и с суровой природой гор. Какать в горах суров. Даже летом на высоте тысяче — тысячи падает метель разннца в температуре дня и ночи составляет десятки — пятидесять градусов. На высоте в две тысячи падает — три тысячи метров днем жарко, а ночью замерзает вода.

На высоте около трех тысяч метров над уровнем моря ветренопригодные люди подвержены горной болезни; у них появляются сонливость, головокружение, шум в ушах и учащенное дыхание.

Люди со слабым сердцем и нездоровыми легкими не могут в горах спать и становятся нероботоспособными. На высоте в четыре тысячи метров даже у здоровых людей резкие движения, быстрый шаг, крутой подъем иногда вызывают одышку и головокружение.

Ощущается каждый человек, прохладящий через грудь. Ремея патронажа, вынитоги, посылки оружия и т. д. мешает дышать полной грудью. И боен, не умеющий распределить на себе оружие и снаряжение так, чтобы не стеснять своего дыхания и движений, кто стобет терпеть боеспособность.

Боев горных частей должен знать основные приемы альпинизма: лазанье по скалам, хождение по осыпям, травянистым скалам, снегу, фиру и льду. Он должен уметь пользоваться горной палкой (альпинисткой), ледорубом, веревкой, уметь ходить при помощи десандубой кошки и на сестроступе. Наконец, он должен уметь определять опасность, угрожающую со сторонами гор (обвалы, камнепады, лавины и т. д.).

Сухнущие границы Советского Союза больше чем на три четверти своего протяжения проходят по горам или близки гор. Карпаты, Кавказ, горы Средней Азии, Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока образуют громадные горные массивы.

Молодые люди, готовящиеся стать доблестными защитниками своей родины, должны изучать альпинизм и туризм. Во время походов и восхождений молодежь учится преодолевать препятствия и трудности пути, повышает свой организм к влиянию разреженного воздуха, закаляется.

Недаром лозунг советских альпинистов таков:

«Кто не растеряется в горах, — тот не струсит и в бою».

I

Не лги о славах никого. Дурное знакомо о другом — И к самому придет беда, Она к тебе забегает в дом.

Не слаником ты гордишь собой. Обычай нехорош такой: Валится дома дель-денской. А ночью всех пугать ружьем.

Другим указываи путь. Займись хорошим чем-нибудь. О кингах ты не позабудь, Пора уж стать учеником!

О всех быт долгие разговор, Пусть обличенье, как толор, Занят средь делсов гор.

Но счетов не сводя тайком. Ты сланиских держись путей И сланишь в правоте своей, Как крепость. Ни один злодей Тебя не наугает злом.

Лишь к удовольствию стремись, Со всяким злом вступаешь в связь Зап, старый Стальский отродья. Был с ботановне незнаком.

II

Садеть в соборни ином. Случается нет мном, слано. Выпращивать о том, о сем, О чем и не хлопочешь, стыдно.

Бедняга! Только ведь глупец Глоу ко всем, во всем слепец. Решивши утром: и хрибрец, Драться до поздней ночи стыдно.

Получие к людям приглянись. Не разувайся шнурь и вымяс, От гордости не разорви шнурь. Остаются лишь ключи: стыдно!

Безумен польза от вреда Не отгадывай никого. Знавать чистые уста, Скажу я, между прочим, стыдно

Кое-чему ты себе во вред. Когда ты сланисков клевет, — Утоешь сам в грязь клевет — Других людей порочить стыдно.

От шага отлечай галоп. Не важно будь слепешам, ктоб Не пострадал. Разбить свою волю Лишь из упрямства очен стыдно.

Я, Стальский, дам совет такой: Подумай, брат бесчестной вой, Что палец укутыв чужой Нехорошо, беречь, стыдно.

III

Не знаи сам, с чужим лишь слов, В ты ни о ком не говори. И если с истиной, дружок, Ты и шопотом не говори.

Когда не слаником путь широк, Не пригай, боем дам зарок, И если с истиной, дружок, Ты незнаком, — не говори.

Тебе хороший дам совет: Раз палец ногам ничто ист, А в голове не мыслай — бред, — О том, о сем не говори.

И все проверь, не думай глупь, Пустинишь стругином сваяло. Ступай а слов, и опитай: Ты о пустом не говори.

Чего вам жаль от бедника, Чего жалеть ступаю: Пеней из Сталя, слаников Ты ни о ком не говори.

Перевел Ник. УШАКОВ.

Несня

РАССКАЗ ИЗ КНИГИ «ПОЭТЫ»

...Сулейман сидит, держа на косяках чучур и задумчиво глядя перед собой. Лицо его спокойно. Перед ним на стене — портрет Ленина и Сталина, тот, где они сидят вместе. Ленин сидит в кресле, сложив руки и как бы притворяясь слушать Сулеймана, о котором только что был их разговор со Сталиным. Ленин и Сталин сидят в окружении зелени, быть может, в саду, и сад этот, полный птиц и солнца, окружает саюк Сулеймана.

Сулейман смотрит сосредоточенно. Глаза его спокойны и полны жемчужной, и ни этот раз и, наконец, называя их вдохновенными...

...Потом он повторит про себя слова не мне, а саюк своей, своему яууу, своей земас и звездас, что видны в окна на ясном ночном небе. (Это были крупные весенние звезды, и они, казалось, мигали ресничками, понимая слова поэта).

И сидел молча. Я переживала тогда смутное чувство, и оно то теснилось в моей груди, обременяла душу, как те призраки тумана, что кочевали в изгибах сада, и леда подобно садам, летящим осязанием, как орган, то мерцало на сердце теплым огнем в сиянии зимней холодной ночи. Нет, я не запомнила слов той песни, но смысл ее я запомнила тогда же очень кратко, как смог...

О, люди! Жив-был один старик со своей старухой у самого синего моря. Он был бедняком, он был последним батраком в селе, и жила в самом углу, у дороги, как под ступеньками живет пчел.

Нет, нет, старик тот не был поэтом! Из далеких стран идет несня. В ее крови долина течет чистая ясность, иначе она падает неземь, не ссава и друг шаггов. Старик был стар скомоуду, а на склоне дят и совсем одряхлел. Вместо светлых дят, которые освещали бы старческую память, как луна, холодность, оставала ему его сорок обид, и обиды эти, давню переживши, лежали теперь на его сердце, затвердев, как камень. Они не волновали, но томляли. Черный камень, табула тола к зема, он был тиха и аскала в сердце поэтом!

О люди, старик этот не был поэтом! Согнутый четверью нуждой и скорбью, вечно идущий правды и не выходящий ее вокруг, слабый и многого не понимающий в этом темном мире, старик был просто его сорок перед бедняком в своем яууе... Язык, говорящий: «Хлеб, хлеб, хлеб», — не мо-

жет петь! И вот овладела стариком та самая холодная и черствая тоска, что предвещает смерти...

Шам или. Один за другим шам они, походя друг на друга, как варуг что то случилась.

Темный мир стал светлоты. Однажды утром старик встал и удивился своей жизни. Старуха его была одета в кашемир, а не бязь. Сыновья ходили в шапках из белого курпа. На ногах старика были мягкие новые сапоги вместо рваных набитых соном чершак.

— Что случилась? — сказала старик про себя.

Дом, двор, сад — все стало аниом к нему, говорит: «Доброе утро!» Прежде выросший замкнутый яуу теперь как будто разошелся шпирь, и саюк старика варуг ощутилась шпирь. Как же так? Почему он, живя на окраине, чувствует себя хозяином всего, первым человеком? Почему доступно и то и это, и встречные люди рады говорить, рады встречаться? Почему на сердце нет камня? Камень, который нег жизни, сдвинула его нормам? Нет его, и в том месте, где он лежал, как в колыбели, лежит теперь в сердце крохотная безымянная радость. И с каждым днём сердца расквашивается колыбель. Дятра растёт...

— Скорей, скорей, старуха, дай мне рыбки!

Старик полумал о той сказке, где рыбак поймал илдогостанку золотую рыбку и одарился. Но он не был рыбаком. Кроме того вместе с ним богатаи и его друзья, вечные батряки; в каком море, в какой сказке набьется ты, яноша, столько золотых рыбок!

Старик вернул старухе кувшин с водой: была явь, не было сна. Он оделся и, взяв палку, вышел из дому осторожными, тихими шагами.

Он вошел в сад, и сад стоял вокруг него в розовом яблоневом цвету. Цвет этот ложился на дорогу, на ограду, на подоконники саюк, как зарь, и старик впервые увидел тогда весну к глаза на глаз.

Розовый цвет вставал с деревьев и пламя мимо него.

Старик смотрел, прищурив на солнце. Неми птицы. Где-то внизу, в овраге, журчал ручеек, и прошлогодние листья пахли землей, разбухнутой шумами весны.

Все было, как весна! Но почему теперь мир внезапно обрел смысла? Почему так хороши и полны солнца валяные ветви деревьев? Почему красив туман? Даже горы, горы, которые он знал с детства?

Старик протер глаза. Тогда он вспомнил, что мир начал меняться с именем Ленин — Сталин. Это было одно имя, и он произнес его раньше, чем вспомнил. Оно возникло в его сердце само собой. Это было первое слово, которое произнесла дят еще в колыбели, и старик приаюжа ладонь к своей груди. Слово не упало неземь. Его подхватывало все живое, и уже произнесенное, оно росло, наполняя собой весь мир. Оно пало в птичьем щебете, падало вместе с дымом зарь, его уносила гручей, и в сверкании своем отражала его равный саюк баск...

Старик вспомнил тогда, что это имя всегда присутствовало в его лучших думак...

Кто же это был? Это было смолду, и из далеких стран откликнулось ему теперь молодость, и старик стоя, держа руку на груди, слушая звук возмущающихся к нему из-за тридцати земас его сна. Они шам, несся с собой молчуи саюк-саюкшества дят песни, и здесь старик впервые почувствовал себя поэтом...

То им это было привкусу яви, данной ему в детстве матерью, мамочка была зам бедная мать: она выдвела с сыном украдой? Почему варуг ясно предстало аниом матери? Это маленькое счастье случайной встречи с единственными родным человеком на всей земас, почему оно вспомнилось вдруг старуку и старик ощутил на губах привкусу яви? Может быть, то дерево, на котором росло счастье его детства, питалось корнями из этого ручья?

Ручей был мал. Он нес в себе крохотное одинокое счастье из глубин прошлого и влидал в широкое будущее море сегодняшнего дня...

Сад был на склоне. Старик стоя, глядя на ручей и закуски губами, чтобы сдержать слезы...

И много-много вспомнил тогда старик. Шестьдесят лет жила на свете. Вся его жизнь предстала теперь перед ним, и каждый из шестидесяти годов дьяла лучше, что было в нем дят песни о Ленине — Сталине. То были поля, налитые колысьями, и равнины рек, и высокие горы, то были подини друзей, и думы народа, и все, все, что было достойно песни, истинно, влидное и слышанное стариком за шестидесять лет.

Старик бродил по саду...

Он стоял, разглядывая прошлое, как разглядывают осеннее зорие, держа их на ладони и пошевеливая большим пальцем.

Он сидел у ручья, вдыхая запахи земли и ощущая, как вместе с песней молодет его кровь...

Так до вечера... Так он стал поэтом! Здравствуй, гора, озаренная закатом, и свала под горой!

Здравствуй, солнце!

Здравствуйте, молате, жужжащие пчелы моей страны...

Фото Г. Гер

Учащие 1-й сиферопольской школы, выступившие на конференции с докладами (сперва вверху): Ивоа Зингер, Мида Бернгольц, Галя Борнсенко, Александр Кочергинский, Роза Мотглевская, Грета Вельдер.

БЕИ за ПЛЕНКО

Как мы организовали военно-историческую конференцию

Интерес к главному проходу среди учащихся нашей школы очень велик.

Русский народ, героически отстаивавший свою национальную независимость, замечательные деятели революции, гениальные полководцы, народные воины, прославленные революцией, гражданской войной — все волнует наше воображение, все привлекает, все интересует.

В нашей школе уже второй год существует исторический кружок, которым руководит историк Ксения Федоровна Цаплина.

На историческом кружке мы и решили организовать конференцию, посвященную Перевозу.

Какая значительная эпоха! Каково богатство событий, сколько героических подвигов!

Мысль о конференции узелка всех нас. Мы установили темы, выделили докладчиков и стали действительно готовиться. Прежде всего привлекли за литературу, за военные карты. Мы прочли сборники «Левый Сталин», Фрунзе, Ворошилов — о разгроме Врангеля, Ворошилова «Сталин и Красная Армия», III том сочинений Фрунзе, сборник «Перевоз», С. Борнсенко «Фрунзе», Дегтяев «Штурм Перевоза» и ряд других книг и газетных статей.

Но эти мы не ограничились. Наши докладчики стали изыскивать исторического архаива, они просмотрели старые газетки «Горьковский голос» за 1920 год, «Красный Крым» за 1922 год, рылись в архивных документах.

Мы рассказали многих явных участников героических перевозских событий и пообщались с ними: это сделало наше представление о прошлом более ясным, полным, отчетливым; мы консультировались и с военными специалистами.

Над каждым докладом работали серьезно, обстоятельно, составляли схемы, чертили карты. К конференции готовились не только члены исторического кружка, но почти все учащиеся старших классов.

Наконец все закончено. Школьный зал празднично убран. На стенах висят репродукции о картин, изображающих битву Перевоза, картины заслуженного деятеля искусства П. С. Самойлова, аэроплан. На столах разложены копии исторических документов, фото.

Ребята немного волнуются. Но вот презентация закончена за стол, конференция началась. Аня Цапелман читает доклад «История Турецкого вала»; за ней выступил Доба Гельбет с докладом «Сталин — организатор разгрома Врангеля»; Грета Вельдер рассказывает о «Фрунзе на берегу Сапана»; Олег Колосников — о «Штурме Турецкого вала»; Галя Борнсенко — «Перевоз через Сапана»; Софиста Шингарь — о «Первой конной армии в разгроме Врангеля»; Александр Кочергинский — о «Бойе у Чогура»; Иосиф Карно — о «Большевиках воевавших в борьбе с Врангелем»; Роза Мотглевская — о «Комсомольцах Симферополя в борьбе с Врангелем»; Мида Бернгольц — «В тмлу у Врангеля»; Ивоа Зингер — о «Партизанах в тмлу у Врангеля»; Нонна Долодородно прочла свой рассказ «Самшит».

Конференция прошла для нас школьниками с огромным интересом прослушав все доклады. Конференция обогатила наши знания и еще лучше подготовила нас к защите родины.

А. ФРАЙМАН,

секретарь комсомольского комитета 1-й средней школы.

Сталин — организатор разгрома Врангеля

Доба ГЕЛЬБЕТ

В середине июля на южный фронт пришел Иосиф Виссарионович Сталин. Ему сорок один год. Лицо его — похулевшее, бледное, с глазами темнооливкового оттенка — вырывает аэрику, волю, ум. Простая солдатская куртка облегает его фигуру (мне почему-то кажется, что привычку носить солдатскую куртку, шинель, сапоги товарищ Сталин сохранил со времени гражданской войны). В руках неизменная трубка.

Сталин — непосредственный вдохновитель и организатор важнейших побед Красной Армии — пришел на фронт, чтобы разгромить бело-гвардейскую армию Врангеля. С Врангелем должно быть покончено к зиме.

Еще будучи на польском фронте, товарищ Сталин предупреждал

о грозившей опасности с юга, со стороны Врангеля: «... пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут аромать на обе ноги, наши успехи на антибольшевистских фронтах не могут быть прочными. Только с ликвидации Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими паннами обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очертовой лозунг: «Помните о Врангеле!» «Смерть Врангелю!» События полностью подтвердили правильность слов товарища Сталина.

Врангель двигался на Донбасс. Особыми военными способностями барон не отличался. После разгрома Децимала Антанте нужен был новый человек, не скомпро-

метированный перед лицом Западной Европы. Кроме того генералитет Антанты знал, что барон пойдет на любые условия для достижения своей цели — поста главнокомандующего.

По словам генерала Май-Маевского, «Врангель всегда оканчивался в гвардейских частях, расположенных поближе к Ставке». Знакомое его не любила за болезненное честолюбие и высокомерное отношение к окружающим.

Я представляю себе Врангеля длинным, костлявым, высушенным, как мумия. У него замашка офицера колониальных войск. Он крикливо, замочив.

«О нем в книге «50 лет в строю» рассказывает генерал-майор Игнатьев, знавший Врангеля в молодости: «Врангель за несколько мес-

цев военной службы преобразился в высочайшую гвардию. И даже в это время гвардейская служба уж так очеловачилась, что я посетовал этому молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это странно, но доводы мои подействовали, и Врангелю полетел делать карьеру в Иркутск...

Я скоро должен был разозлиться в этом вопросе юнкерами. Не проходило месяца, чтобы мне не размыслил меня «да-никуда, чтобы «посветоваться», какой orden стоит променять на другой чин, чтобы выйти для получения для военной службы года, куда устроиться, чтобы выделиться или чем-нибудь отгнаться. А по окончании войны в Петербурге он опять захватил ко мне, чтобы спросить моего совета, как бы одновременно и пройти курс Академии генерального штаба, и понасть в офицеры конной гвардии, и как «сделать» в этом попутку товарищей, большинство которых он в душе считал ничтожествами.

Таков был Врангел. В помощь ему из Англии и Франции были присланы военные специалисты, инженеры, направлено вооружение, обмундирование, топливо. С Врангелем заключены договоры, в котором фактически говорилось, что Россия после разгрома большевиков станет колонией Антанты.

Этому не бывать! На фронт приехал Сталин. Он вызывает к себе командиров частей, беседует с ними, дает указания, советы. Люди уходят от него окрыленные.

Вот в штаб к Сталину вошел невысокого роста военный—командир 4-й кавалерийской дивизии Первой Конной Окс. Горюхинов.

— Ниюю честь явиться по вашему приказу.

Так-так... проговорил товарищ Сталин.— Вам нужно немедленно выехать на станцию Волгодонска и организовать конный корпус во Вторую Конную армию.

И, немного помолчав, добавил: — Надо быстро разгромить Врангеля.

16 июля товарищ Сталин подписал приказ о создании 2-й Конной армии, которая должна была противостоять «эбронированной» врангелевской кавалерии.

Штаб южного фронта. Глубокая ночь. Мягкий свет освещает складенную над картой голову Сталина. Карандаш, то останавливаясь на кружочках, то двигаясь, чертит замысловатые линии по карте.

Основная идея Сталина—отрезать армию Врангеля от Крымского перешейка, окружить ее в Северной Таврии и уничтожить. Вот Сталин определил направление главного удара: Берислав, Каховка, Перекон.

Сталин пишет в Центральный Комитет партии, к Ленину о своем плане.

17 июля Ленин телеграфирует Сталину: «Центрум ЦК принял почти полностью изложенные вами предложения. Полный текст получите, извещайте обязательно раз в неделю подробнее о развитии операции и ходе дела».

2 августа Политбюро ЦК партии вынесло решение признать врангелевский фронт важнейшим первоначальным значением и выделить его из состава югозападного фронта в самостоятельный южный фронт. Во главе Реввоенсовета южного фронта был поставлен товарищ Сталин.

Сталин укрепляет части коммунистами, создает авиационную группу, укрепляет полки и дивизии.

Часто выезжает на фронт, просто беседует с бойцами, аселяя в них бодрость и уверенность в своих силах.

6 августа Сталин подписывает приказ о всеобщем наступлении. Против Врангеля двинулись четыре стрелковые дивизии, 2-я Конная армия и левобережная группа 13-й армии. На рассвете 7 августа передовые части латышской и 15-й дивизий переправились через Днепр и молниеносно ударом выбили бойцов из Каховки.

Здесь по инициативе Сталина была создана неприсутственная крепость—Каховский плацдарм. О твердости этой крепости разболелись все полки Врангеля, пробиваясь дальше, на север. Отсюда Красная Армия по кратчайшему направлению могла идти на Перекон и Чонгар.

Создание Каховского плацдарма имело огромное стратегическое значение.

Отныне инициатива боевых действий перешла в руки командования Красной Армии.

В конце августа Иосиф Виссарионович заболел и вынужден был временно отойти от непосредственного руководства южным фронтом. Он предложил назначить командующим южным фронтом Фрунзе, который и завершил сталинский план разгрома Врангеля.

Фрунзе на берегу Сиваша

Греша ЗЕЛЬЦЕР

Врангелевские войска с огромными потерями вырвались из железных тисков, созданных в Северной Таврии, и укрепились за переконскими укреплениями.

Михаил Васильевич Фрунзе создал командиров частей и, сделав обзор происшедших операций, сказал:

— Поражаюсь величайшей энергии сопротивления, оказанной противником. Он дрался так яростно и так упорно... Только этим можно объяснить, что хотя и с большими потерями, а все-таки из наших тисков выбраться он смог...

И Фрунзе стал разрабатывать план штурма Перекона.

Была глубокая осень. Армия, истощенная беспрерывными боями, плохо одетая, вжалась в отдалеке. Нужно было как можно скорее покончить с этим последним фронтом.

Фрунзе вновь и вновь вспоминал свою беседу с Владимиром Ильичем в Кремле. Тогда Фрунзе только что назначили командующим южным фронтом. Беседа шла

о войне, о военных специалистах, о Врангеле.

— С Врангелем должно быть покончено к зиме,—сказал Владимир Ильич.—Такова директива партии. Как вы думаете, в какой срок можно будет его ликвидировать?

— К декабрю, Владимир Ильич. Крым будет советским,—ответил Фрунзе.

Дуют ветры, мороз покрывает белым инеем бескрайнюю степь. Глухо, уже совсем по-зимнему шумит Азовское море.

Машина командарма, скрипя и содрогаясь, движется по степи. Повсюду видны следы недавно разыгравшихся кровавых событий.

В степи тут здесь, то там видятся конские тушки, разбитые повозки, части орудий, снаряжения.

Михаил Васильевич часто останавливает машину и полуголу беседует с бойцами. Лица у бойцов усталые, осунувшиеся, но полные отваги.

«А нельзя ли совершить обход Чонгарских позиций по Арабат-

Бегство врангелевцев. С картины Н. Сажожина.

Учащиеся 1-й симферопольской школы, выступившие на конференции с докладами (сперва слева): Нонна Додоладзеко, Иосиф Карнас, Доба Уэльберг, Ами Цигельман, Олег Колесников, Леонарда Шавитер.

Школьники слушают доклад.

ской стрелке?» — думает Михаил Васильевич.

Действительно, если переправиться в устье реки Салгира, что в тридцати километрах от Гемачи, то можно будет зайти в тыл войскам Врангеля, сосредоточенным у Перевозного вала.

Фрунзе послал разведку узнать, какие силы противник сосредоточил в этом направлении. Выяснилось, что Врангель здесь держит небольшие конные части. Но курсирующий в Азовском море военный флот может войти под обстрел войска, идущие по Арабской стреле.

У Фрунзе не было флота. Арабская флотилия, затертая льдами, не могла прийти на помощь. Идти при таких обстоятельствах по этому направлению крайне рискованно.

Фрунзе обходит берег Сиваша. Он внимательно изучает местность, расспрашивает старожилов об этом члглом море, которое так резко отличается от других морей.

У Михаила Васильевича созревает новый план: штурмовать Перекосский вал с фронта, форсировать Сиваш и овладеть Литовским полуостровом, ударить в тыл по Перекосским позициям врага.

Фрунзе созвал командиров частей, чтобы вместе с ними обсудить свой план.

Климент Ефремович Воронцов, который присутствовал на этом совещании, так его описывает: «В небольшой комнатке, в полукадре, собралась все высшее начальники во главе с Михаилом Васильевичем. Враг разбит, но не добит.

Михаил Васильевич терпеливо и внимательно выслушивает мнение всех своих ближайших соратников и тут же принимает решение о дальнейших действиях.»

Фрунзе отказался от штурма. Приказ прозвонил идея о стратегичности и целеустремленности удара.

Фрунзе шепчет: «Еще операцию по форсированию проводить сосредоточенными силами и с максимальной энергией, доводя атаку, во что бы то ни стало, до успешного конца, ибо при данных условиях открытая

атака живой силой является наименее эффективным средством решения вопроса.»

Фрунзе сказал командирам: «Атаковать с 7 на 8 ноября через Сиваш на Литовский полуостров.»

Армия стала готовиться к решительному штурму. Фрунзе обещает войска: «Нагустественное слово командарма воздущивает бойцов.

— Даешь Крым! — кричат бойцы.

Фрунзе сосредоточено спянок. Он верит в силу, в мощь, в революционную преданность бойцов.

Такой народ не может не победить!

Наступила ночь. Дул холодный октябрьский ветер. Бойцы пошли на штурм Литовского полуострова. Битва началась...

В тылу у Врангеля

Мила БЕРНГОЛЬЦ

Старушка, мать Фани Шполянской, узнав, что я пришла расширить ее о жизни дочери, привстало улабулдас, мне и пригласила зайти. Мы усаелись у окна, и я осторожно завела с ней

беседу о тех далеких днях, когда в Крыму героически и бесстрашно шли на борьбу, на смерть, на мучи первые комсомольцы нашего города, когда ее дочь Фани...

Очевидно, мои вопросы вновь разбередили никогда не заживающую рану сердца матери. Она старается ответить мне, но волнение и печаль мешают ей говорить. Мы подолгу молчим. Я не мешаю ее думам. Мне до боли жаль ее, но я не знаю, чем ее утешить, какое слово сказать.

Но вот она справилась со своим волнением. Слова ее звучат отчетливо, твердо, в них не только печаль, но и гордость. Фани была тихой, мстительная девушка. В семье она была самая ласковая и самая робкая. Самоотверженно и горячо уживалась за младшими братьями, острадами — их было девять, — отдавала им все свои маленькие сбережения. Еще она любила книги. Когда после тажедого, суматошного дня она усаживалась вечером у тусклой лампочки с книгой в руках, лицо ее озарялось счастьем.

К работе подпольной комсомольской организации Фанию призвал Моисей Гордиак — секретарь комсомольской ячейки. Он жил в том же дворе. Вероятно, они подолгу беседовали о революции и те логиче вечера, когда вместе сидели на камнях у домика, говорили о красоте подвига, о будущем.

Дождливо было. Моисей вынул этой молчаливой девушке, что нельзя жить отвлеченными мечтами, когда в Крыму свирепствует кровавый барон Врангель. Он завал ее к жизни, в борьбу. И она откликнулась на его призыв.

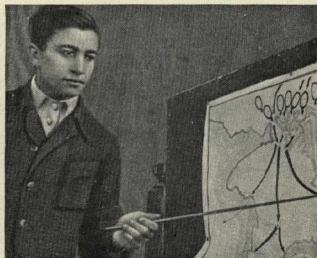
Моисей привел Фанию на собрание штаба боевой комсомольской дружины.

Или сюда, Фани думала встретить людей необыкновенных, таинственных, грозных, похожих на романтических героев ее девичьих грез. Но в бедной коммуналке симферопольского портного сидели простые парни и девушки — такие, какие она встретила и у себя во дворе и на работе. Обманными голосами, очень спокойно говорили они о том, как лучше распрорывать листовки, как помочь пованам и белу товарищам, как агитировать солдат... Фани молчала. Она хорошо знала, что за каждый такой поступок подпольщика ожидают смерть,

мучку во врангелевских застенках. И они шли на это споконьяне, сильные, гордые, как герои! Фани всем сердцем повила и подболела этих простых людей, перед величием и духовной красотой кото-

Кружковцы готовят к конференции.

Яков Зингер рассказывает о действиях партизан.

дых померкнули все книжные герои ее былых увлечений. Деловито, умно и осторожно выносила Фаня все поручения комбата. Она участвовала в известном захвате типографии, когда по поручению интеллигентной подпольщицы, вывесив на дверях объявление «По случаю смерти хозяйки типографии закрыта», отпечатали там много листовок. Вместе с другими Фаня расклеивала и разбрасывала эти листовки по городу.

Газ было так. Боевники спасли бежавшего из-под ареста коммуниста, раненого в ногу, Фаня, член Красного креста, пришла в подпольную квартиру, где были спрятавшиеся бегущий. Она, как всегда, ужаснулась за ним. Этот подпольщик позвонил Фаню с комсомольской Женей Жигалиной, которая стала лучшей подружкой Фани. Жене было двадцать лет. Она родилась в Харькове, окончила там гимназию. По поручению организации прискакал в Крым на подпольную работу. Девушки часто виделись, беседовали, читали один и те же книги. Вместе они мечтали идти учиться в университет, конечно, после того, как с враждебными будут покончено...

Мужественно работала комсомольская подпольщица, выносила все поручения партийного комитета. И вдруг пропала. На улице арестовали Горелкина. Веселый, умный Миосей в лапках врагов. Снасть немедленно по какому-то делу взять себя в руки, скрыть свою боль и бороться, бороться...

Теперь секретарем обкома стал Аким Ахтырский. Но о какой-то власти, председателе организации. Один провал следует за другим. В душе у Фани растет бескомпромиссная, подозрительная, неопре-

деленные. То же чувство испытывает и Жена. Что-то тревожит, как собака лаяла: лаяла на них, и они не знали, как остановить его, как предотвратить беду...

Руководители татарской секции подпольщиков собрались обсудить свои задачи. В этом заседании участвует и Жена Жигалина. Утро всех участников совещания арестовали. Аким Ахтырский собрал подпольщиков за городом: надо обсудить план освобождения товарищей. Подпольщики сходятся. Вдруг раздаются крики «руки вверх», дула револьверов направлены на собравшихся.

Фаню втолкнули в камеру, где лежала полумертвая от пыток Жена. Фаня бросилась к ней, прижалась к ней, как всегда.

Протом ее повели на допрос, спрашивали... Ахтырский!

Так вот кто предавал коммунистов, кто предательски посылал людей на пытки и казни! Где взять слова, чтобы рассказать, что можно почувствовать честная, искренняя, мечтательная девушка при виде человека, который предал ее, товарищей, идею! Ненависть, презрение, боль, галлюцинация? Вероятно, это. Но я думаю, она чувствовала еще что-то, более всеобъемлющее и глубокое. Она видела и понимала что Ахтырский урет подлой, жалкой смертью. А они, борцы-большевики, никогда не умрут. Они будут жить вечно в памяти народа.

И в тюрьме не прекращались борьбы. Фаня сумела передать на волю весть о том, что Ахтырский убит в тюрьме.

В начале 1920 года состоялся суд приговоривший всех комсомольцев к смертной казни. Фаня

выслушала приговор спокойно. Она сказала судьям: «Приговаривая нас к смерти, вы не спасаете себя от Красной Армии. Мы умрем, но таких, как мы, миллионы!»

Их вели на казнь мимо кафе, где кутяли офицеры, Фаня крикнула:

— Белая сволочь! Нелюдоебство! Красная Армия под Перекопом!

Взбешенные офицеры хотело всех немедленно расстрелять, но не допустили ковшей.

Их привели за город. Девушки обматывали и зашивали «штаны» националь. Ковшовые стали их рубить пашками. Девушки упали, песни оборвались... После прихода Красной Армии изуродованные группы обеих генераций нашли и похоронили с воинскими почестями.

Плакат 1920 года.

Военная консультация

«Что собой представляют аэростаты заграждения?» — спрашивает ученик 4-й школы К. Симферополя М. Иванов.

С возникновением воздушной войны появились и аэростаты заграждения. Что представляет собой эта защита в воздухе?

Аэростаты заграждения ничем не отличаются от обычных привязных аэростатов. Они имеют ту же продолговатую, калдеобразной формы оболочку из прорезиненной, окрашенной в алюминиевую краску материи и наполнены водородом или гелием. Привязанные к подвижной лебедке на тонком стальном тросе, аэростаты поднимаются в воздух на высоту 3000—3500 метров. Не сами аэростаты, а именно эти тросы и играют роль заграждения.

Вокруг города, завода, фабрики, крупного стратегического пункта устанавливаются кольца аэростатов, иногда эти аэростаты размещаются в шахматном порядке по всему участку защищаемого объекта на небольшом расстоянии друг от друга.

Таким образом тросы аэростатов образуют как бы стальную сеть, совершенно невидимую в пасмурную погоду или ночью. Самолет со всей скоростью врывается в эту стальную сеть, и тонкий гибкий трос разрывает его плоскостной бороздой, как иголка разрывает кусок мыла.

По данным английской прессы, только в 3000 Лондоне к началу первой мировой войны имелось до 300 аэростатов заграждения. Кроме того для обороны крупных промышленных центров страны и для создания сетей аэростатов заграждения в море в распоряжении англичан было не менее 9 тысяч аэростатов. Примерно такое же количе-

ство аэростатов находилось во Франции и Германии.

Задачи аэростатного заграждения в современной войне довольно сложны. Для того чтобы встретить противника на большой высоте (а бомбардировщики сейчас поднимаются к объекту нападения на высоте около 9 тысяч метров), аэростаты должны обладать большими потолком.

Мысль об использовании аппаратов легкой воздуха для борьбы с аппаратами тяжелой воздуха вызвала к жизни много новых способов защиты от воздушного нападения, аэростаты, соединяющиеся между аэростатного заграждения. К ним прежде всего относятся воздушные мины, применяемые, по данным немецкой печати, в Англии.

К маленькому сферическому аэростату, освобождающему от тонкой резины типа шар-зонда или шар-пилота, применяемых в метеорологии, присоединяется некоторое количество сильно взрывчатого вещества, достаточно для того, чтобы разрушить любой самолет. Так создается минное заграждение в воздухе.

Не менее интересно и другое оборонное

Английский аэростат воздушного заграждения, предназначенный для защиты кораблей от бомбардировки.

средство. Навстречу неприятельскому самолету зенитная артиллерия выбрасывает небольшие парашютики с ползвыми тросами. Они раскрываются в воздухе и образуют как бы свободно плывущую сеть, в которой легко может загнаться неприятельский самолет.

Аэростатное заграждение во взаимодействии с зенитной артиллерией и зенитной авиацией является серьезным средством противовоздушной обороны.

Ильскер-пилот М. ЦАГ.

Толпарник Виктору Шафнеру (Сталинград), Леониду Маслову (город Ногоя), Федору Бротонову (сею Урск, Горьковской области), Лебедеву Игорю (Ковель), Курья Романовичу (Ташкент) и другим учащимся ответы посланы почтой.

Никто не проиграл школьникам показав свои стихи в рукописях, когда он записывался в литературный кружок Леонида пионерского завода Калашина. Ведь не только для библички поэтов и писателей собрал этот кружок. Научить кружковцев точно и образно выражать свои мысли; поощрять каждую переделку, переделку же — о прочтении, видении, слышании; сделать доступным то наследие, какое дает поэзия искусства; — вот главные задачи кружка.

Поэтому здесь не только читали вслух свои стихи и рассказы, но прежде всего ищут лучшие образцы классической и современной литературы. За полгода члены кружка сделали семьдесят докладов. По творчеству Гоголя, например, было прочитано двадцать докладов, о Лермонтов — восемнадцать, шесть докладов — о Шекспире, столько же — о Маяковском. Изучили кружковцы и Короленко и Саранову де Бергерка, обуржанили и

«Повесть о первой любви Фрейрихера и «Еще কোনো Клеверана, и рассказы Павловского». Это серьезное изучение классических и современных художественных произведений не только расширяет общий кругозор, но дает малым кружка материал для драматизации. Тут же люди строже начинают относиться к своим собственным литературным опытам. Появляется скрупулезность — качество, присущее каждому маленькому человеку.

Быть может, кто-то из питомцев кружка и станет впоследствии писателем, поэтом, а может, и нет — не в этом дело: суть в том, что все занимающиеся в кружке начинают по-настоящему любить литературу.

Кружок издает еженедельный журнал — солидную тетрадь в 100—150 страниц. Тут и сказки, и рассказы, и поэзия, и очерки, и стихи, и рассказы. Мы помним стихи и прозаические отрывки, взятые из этого журнала.

ВОЛГА

Вылетел зная, зеленым светом Простора Волги озарит, Турман-томная селушка вдали Вала знакомый лес стоит. Снавился с блаженней переулком, Поверх воды с холмистым блеском Дорога злуная светит. Кругом все тихо, Ветер шепт. Ее махание лишь парусит Далекой переулку жер. И тепло обаяло попутит В воде аведы неарной блики.

Но вот внезапно пробужденный Печущая шумом по реке, Турман-томная селушка Вольной угнетает владыку. Огня мерцают теплотою. Все блане, ближе, вот знойней Селевонской небесной волне. Они свергают над водой. Сначала злые подымались. Сильней, сильней злобу волну К обрывку небу, вставив. О берег, бегит тынгу... Александр Бурнаков

НА РОДИНЕ

ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА (Из путевого дневника)

22 июля. «Утро, прохладное и свежее. В открытые окна вагона видны горы, покрытые кудрявой зеленью. Мы едем в поезде. Впереди Гори — родина Иосифа Виссарионовича Сталина.»

У всех радостно-оживленное, приподнятое настроение. Увидеть места, где родился и прожил свои детские годы великий Сталин!

Мерно стучат, как бы перекориваясь между собой, колеса тугого, тугого поезда. Затем ритм их делается реже, движение замедляется. Мы приехали. Руководитель экскурсии ведет нас по улицам. Портреты, картины, фотографии, тщательно, в хронологическом порядке попорбонированы, отражают боевой революционный путь Сталина. А рядом очень маленький, очень бедный домик, в котором родился и прожил детские годы мальчик Сосо Джугашвили.

Мы подходим, затаяв дыхание. Мимо останываемся посредственно коминтерн. Бродящая глаза бедность жалости, скудость обстановки.

Кровати, стол, несколько стульев, табурет — все вещи

стоит на тех же самых местах, где стояли они и раньше, в годы детства Иосифа Виссарионовича.

Поразает исключительная опрятность помещения. Чувствуется чье-то любящая, заботливая рука, заботливая эта бедная, благородный уют.

У меня не хватало слов, чтобы выразить одавленность мною настроением, бедней, родилась Сталин! Сталин! Самый дорогой, самый любимый человек моей родины. У нас в школе висит большой портрет Иосифа Виссарионовича — с девочкой Мамалата Ласковой, улыбающееся лицо товарища Сталина, ежедневно встречает и провожает нас.

Мы сидели с этой старинской усадьбой, они дорога зима, как самое лучшее родилось Сталин и чувствую себя живыми свидетелями и участниками истории.

Уже ночь, навсегда останется в моей памяти как самый счастливый в моей жизни.

Юрий Дешевой.

ТИШИНА

Я люблю тишину. По не думай, Что боюсь я всевозможного шума: И на свете не бывает тишины... Смер друзей не пугает меня. Только в воздухе таком и тонком

Самшу несни всевозможного шума. Эти несны нежны. И при шуму Укажет они, как раздумье. Вот потону нем и тумана Голубая, как лень, тишина. Виктор Юноский

ВОЛКИ

(Вымышленный)

хитрить. Вот и тут — изобразил он по лестнице на крышу сарая, в окошко голову просунул и видит: слыны все перебранки. А в сарае четыре волка бегает. Слез он вниз, перебрал лестницу под сарай и прямо к хозяйке в комнату не поспешил.

— Зарастуйте, добрая барышня, пришла я вам сказать, какие у нас радостные новости случились.

А хозяйка не проснулась, еще как спадает.

— Рассказывай, — говорит, — как дела, тебе что почитать?

Сторож и начал рассказывать.

— Вот собирались мы, — говорит, — барышня, как деловые люди, так их уж резать больше не надо: они уже все зарезаны.

Хозяйка Наталья Петровна удивилась.

— Кто же, — говорит, — их зарезал, когда?

— А вот, — говорит Иван, — слышайте, как дело было.

— Вышел я вечером на дежурство, привязал к форке веревку, в сам лег на сон и лежу, сплю. Вдруг откутался какой-то овец до одной перебрался. Теперь у вас барыня, такое слышать и очны зарезаны и волков целый сарай вломили. Теперь мы убьем их, глядяны, сам с хозинном по шубе выйдут, да мне рукавицы в придачу!

Наталья Петровна немного задулавалась.

— Да, — думает, и верно, боладино счастье. Шугра ли? Две шубы поучитесь!

Вот пошла она с ним волков смотреть. Помещица и сторож полезли на чердак. А волки беспокойные, видят смерть похотят. Помещица Наталью Петровну вниз, видит действительно волки большие, огромные, и в голубой тумане по рукавицам, а и на шпалку останется!

Ну, Иван перебрался волков смотреть, и тех шугра он отдал на выделку, а Наталья Петровна в награду ему овалу подарил. Самую маленькую.

Павел Харченко.

Здесь Гриня был, здесь Гриня и велит...

БЕЛЫЕ ПЯТНА

Почему это так получается, разве это нормально, что летом — а самое прекрасное время года — школьная комсомольская организация фактически перестает работать? Почему лето, когда лето совершить то, о чем осенью только мечтаешь, мы, комсомольцы, расходуем на дома, чтобы встретиться только осенью? Зимой мы мечтаем о путешествиях с товарищами под открытым небом, о дальних походах, о том, чтобы неходить, исследовать все подробности своего района, летом, когда все это можно осуществить, мы об этом забываем.

Может быть, в других городах, а других школах проводят иначе, но у нас в городе Загорск, в школе имени КИМ, складывается так: в июне мы проводим последнее комсомольское собрание, подводим итоги учебного года и идемшем до осени.

А между тем большинство из нас никогда не уезжает. Мы живем в своем городе Загорске в доме. Нарядно выкупаем где-нибудь на улице или в парке. Встретимся, поговорим о том, что случалось за лето, и расходимся в разные стороны.

Я люблю свой город. Я промчал здесь столько лет, сколько вообще живу на свете, — семнадцать. Но при всем этом надо бы познакомиться летом: скучно в нашем маленьком городке. Библиотека небольшая, кинотеатр один, в парке грязно, неуютно.

В прошлом году парк решил уже удавить загорцев. По всем улицам были развешены арки арки: «Спешите, спешите! Бойная зима!» Там же ухаживать за арками.

Карнавал в Загорске был первый раз, и все, конечно, поешившая заплескаными. Мы с подружкой, разумеется, не отстали от других. Все с интересом ожидали обидных удовольствий. Все пришли дельце карнавала. Но парк не изменил своего вида и ради праздника. Высокая прекрасная трава была, как всегда, усена бумажками, бутылками, консервными банками. На танцевальной площадке, поднимая пыль, тесной толпой кружились парк. Вдур — трах! — пол в центре площадки провалился. Визг, шум, крик. Оркестр не заметив происшествия, начал играть...

Все остальное проходило не более удачно. Мы еще немного побродили и ушли. Таков наш парк.

Нет, действительно скучно летом в Загорске. А могло бы быть замечательное, если бы комсомольская организация оставалась летом деятельной и инициативной, какой ей и полагается быть во все времена года. И себе ясно представляю это и об этом хочу написать.

Я назвала свою статью «Белые пятна». Белые пятна, как известно, на географической карте означают обычно места неисследованные, куда не ступала нога человека. У нас в районе много таких мест, где не бывали комсомольцы. И в работе есть «белые пятна» — дела, в которых мы еще не припрятались.

Что же это за «белые пятна»?

1. Загорский район — один из интереснейших в области. Неподалеку от нас есть станция Александровка — бывшая Александровская слобода. Там сохранился еще постройкой, в которых жили Иван Грозный и его челядь. В Переславле — там тоже неалле — жил когда-то Петр I, там можно увидеть божья, который построил сам Петр, тогда почти морозное лето. В Абрамцево есть музей. За четыре

километра от нас — древний скит. Это — то, что и знаю, и, наверное, знаю достаточно, что есть в действительности. Для большинства наших комсомольцев все это настоящие «белые пятна». Летом мы могли бы все обследовать, посмотреть своими глазами, почитать своими руками...

2. Летом мы, конечно, не перестаем читать газеты, но как-то менее интенсивно ощущаем интеллектуальную жизнь страны. Происходит это потому, что летом мы фактически выходим из организации. Негде обсуждать возникающее у каждого из нас мысли, вопросы.

Зимой мы проводим политинформации, иредна ходим на лекции — больше ни на что не хватает времени. А летом, когда все это может быть гораздо глубже и интересней, мы просто прекращаем любую работу. В этом году должно быть иначе.

3. У нас в Загорске есть Дом пионеров, он устраивает походы, ребята собирают коллекции, гербарии, знакомятся с природой. Но это только часть ребят. А большинство предоставлено самим себе.

Скажете летом наши пионеры. Мы почему-то привыкли думать, что отвлечен за пионеры, только покуда они в школе. Я думаю, что летом мы нужны детям ничуть не меньше чем зимой. Это еще одно «белое пятно» в настоящем. Скажите пионеров и комсомольцев с собой в походы и экскурсии, а для малышей надо придумать что-нибудь еще.

4. Многие из старших комсомольцев летом намерены работать, но сами еще толком не знают, за что им платят. Наша организация сделала бы хорошее дело, если бы помогла им. Если бы предложила вот что: договориться с ближайшим совхозом (а совхозам летом нужна рабочая сила), организовать, группу желающих работать и отправить ее туда.

5. В Загорске на одних улицах много зелени, на других — почти совсем не увидишь. Есть также пыльные улицы, что нельзя пройти летом, а зимой — пережить. Пыль — вредная вещь. Надо проанализировать и отделить пыльные улицы от зеленых. Но даже и на зеленых улицах почти нет молодых деревьев, все старое. В нашем дворе, например, деревья, которые мы сажали, когда мы были детьми. А где же деревья, посаженные комсомольцами? Я думаю, было бы очень хорошо, если бы комсомольцы взяли на себя такую заботу — сажать город, делить. Комсомольцы классно могут выбрать себе две-три улицы, и пионеры хорошо бы в этом деле привлечь. Посадили бы деревья, а потом стали бы беречь и ухаживать за ними, чтобы работа не пошла на спору.

6. А то было у нас так: посадили липы, они прижились очень хорошо, а потом стали хворать — маленькие дети обрывали листочки, а те и вырывали молодые растения с корнем, да в корзину, так не борются так.

7. А вот еще одно дело, которое многим может показаться скучным, но по-моему очень важно. И нельзя ведь все оценивать по тому, насколько это привлекательно. Я говорю о ликвидации неграмотности и малограмотности. За лето мы можем обучить очень многих.

8. Летом мало кто из нас занимается спортом, как это ни странно. Даже в волейбол и то редко играют, хотя очень любим его. О легкой атлетике, беге, прыжках, метании гранат, диска, гимнастике — обо всем этом говорить не приходится. Совершенно необходимо, чтобы летом комсомольцы организовали спортивную и военную работу.

Вот и все. И перечислять все, что названо, и подумав, пожалуй, много комсомольцев останутся недовольным таким планом: слишком много работы, слишком мало отдыха. Но, во-первых, это зависит от того, как организовать все, а во-вторых, а никому лето не жаловалось, а только предлагаю в своей комсомольской организации. Главное же, мне кажется, то, чтобы комсомольская организация школы не уходила в отпуск на лето.

Что думать по этому поводу другие комсомольцы? Что собираются они делать летом? И в все мы были бы очень рады получить письма от комсомольцев-школьников других городов. Мое адрес: Загорск, Первомайская улица, дом 16.

Людмила СЕРВОВА.

Что мы можем сделать сами

В одном из старых номеров журнала «Радиотехника» и прочитал описание изобретенного аппарата системы Охтинкова.

Мне захотелось самому сделать такой аппарат, но жалко за это в свой личный карман, когда нужно работать на товарища и фрезером станка. Ведь в этом аппарате почти всюду деталь можно отшлифовать, выточить.

И решил построить комбинированный аппарат, который мог бы записывать звук на пленку и на пластинку.

Почти все детали аппарата делал сам. Только револьвер и прочитал описание с червяком от патефонного регулятора скорости к улитке.

Одна из основных и самых трудных деталей в изготовлении аппарата — это диск, на котором производится запись. С ним мне пришлось повозиться. Железа или чугуна нужной для диска толщины у меня не было. Тогда я сделал три одинаковых диска из металла в четыре миллиметра толщиной и склеил их. В центре диска просверлил отверстие, свернул в него ось и тоже склеил. Вышло крепко, надежно. С мотором тоже было много хлопот. Мне удалось приспособить мотор маленького вентилятора, который был у нас дома. Мелкие шпатулы в нем я заменил маленькими шарикоподшипниками. Из систем смещения рекордера выбрал систему с двухсторонней направляющей, которая делает движение рекордера более плавным.

Сейчас только исследую серьезную деталь — ролик для записи звука на кинопленку. Думаю, что мой аппарат будет работать хорошо.

Станислав КАКОВСКИЙ

334-й школы. Москва.

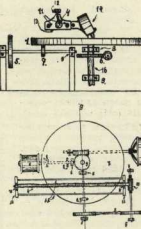

СХЕМА ВЫУГОЛАНСЫВАЮЩЕГО АППАРАТА

1. Диск диаметром 250 мм и толщиной примерно в 10 мм. Он должен быть тщательно проточен диаметром на него наклеивается круг резины толщиной в 1 мм. 2. Ролик для записи на киноленту. Шаг резьбы — 0,2 мм. На него надето кольцо из резины. 3. Мотор мощностью 80 ватт, 1500 оборотов в минуту. 4. Холодный винт. Шаг резьбы — 0,2 мм. 5. Резьбовый переключатель. 6 и 10. Червяки с шестеренками от шафротного регулятора скорости. 7 и 8. Резьбовые ролики диаметром в 20 мм. Оба ролика могут передвигаться вдоль своей оси. 9. Шариковые подшипники. 11. Направляющие для плавного движения револьвера. 12. Вилка, выдвигая ролик отбодит киноленту и переключатель револьвера. 13. Барьер, на который удерживается револьвер. 14. Револютер. 15. Стойба, в которую шариковые направляющие и холодный винт. 16. Ось диска.

Сколько дорог! Сколько путей! Но какой — это наш путь?

БОГАЧЕ ПРИРОДЫ

До самого конца первой четверти XIX века химикам было глубоко убеждены, что те вещества, из которых состоят животные и растительные организмы, невозможно искусственно изготовить «in vitro» — «в стеклянной посуде», как тогда говорили, т. е. в лаборатории химика. Ученые знали, что все на свете состоит из простых, так называемых «неорганических» материалов, например из углерода, водорода, из металлов, фосфора, серы и т. д. И все это готовило, что мир «неживой» природы отделен таинственной, непроницаемой стеной от природы «живой». Такие «неорганические» вещества, как например древесный и винный спирты, уксусная, масляная, лимонная, щавелевая и другие хи-

мические причудливо картину разнообразных соединений элемента углерода, которые могли бы быть введены из простейших углеродистых соединений, отгораживавшей «неживой» природу от «тех пор органическая химия превратилась просто в «хию углеродистых соединений». «Органической» ее называют только по привычке.

Удивительный элемент — углерод! Даже в химически чистом виде он может принимать различные облики: он предстает перед нами в образе то сверкающего алмаза, то графита, то древесного угля. А в соединении с другими элементами углерод дает многие сотни тысяч самых разнообразных веществ!

Вначале химики изучали и воссоздавали только те вещества и продукты, которые вырабатывались в животных и растительных организмах. Теперь мы уже не ограничиваемся этим.

Мысль человеческая не только «изучает» то, что встречается в природе (в данном случае органические углеродистые продукты), и овладевает методами воспроизводства этих соединений. Она «перестроит» природу, «пересоздаст» ее. Из лаборатории химика человеческое общество получает такие продукты, которых сама природа не пыталась создавать.

Огромные скрытые богатства были найдены химиками в каменном угле и продуктах его сухой перегонки. Для выпалки металла в доменных углях необходимо предварительно косовать. При этом образуется громадное количество «отходов» вроде каменноугольной смолы. В прежние времена эти «отходы» составляли несчастье для коксовых заводов. Шелые потоки густой, смердящей, ядовитой, липкой смолы приходилось спускать в реки, отравляя воду. На других заводах смолу закаливали в землю. Она годилась разве на колесную мазь. Надо было подумать над тем, что делать с громадными количествами смолы.

Почетную роль в решении этого вопроса сыграл на себе органиче-

ская химия. Сотни и тысячи химических стали изучать эту смолу и содержащиеся в ней соединения.

Оказалось, что она содержит смесь разнообразных углеродистых соединений и может стать главным сырьем для производства необходимых фабрикам. При переносе каменноугольной смолы из нее можно выделить бензол, толуол, нафталин, фенол, нарин и сотни других так называемых полупродуктов.

Были созданы целые богатый отдел химии углеродистых соединений — отдел так называемых «ароматических» соединений, к которым, как оказалось, принадлежало большинство соединений, выделяемых из каменноугольной смолы. Были созданы новые научные теории, которые должны были помочь углеродистым веществам в свойствах этих ароматических соединений.

Некоторые из них были очень близки к известным природным соединениям (например к бензойной смоле). Достаточно было изменить весьма простым способом.

Однако вскоре выяснилось, что подавляющее большинство этих соединений вообще ничем не пахнут, а другие — имеют отталкивающую весьма неприятным «ароматом».

С тех пор термин «ароматический» начал обозначать в химии не запах, а лишь определенный характер внутреннего строения, характер взаимного расположения отдельных атомов углерода и водорода в молекуле.

В результате постепенного накопления научных знаний громадные количества каменноугольной смолы стали в промышленном масштабе превращаться в самые необходимые фабрикам. Непосвященному трудно даже поверить, что хорошо оборудованный химический завод, из сырья, содержащегося в каменноугольной смоле, может производить разнообразные красители для тканей всех цветов радуги, окрасочные лакокрасочные, пластмассы и взрывчатые вещества, ценнейшие пластические массы и многие другие весьма важные продукты.

После всероссийского мира Антанты комиссия специалистов Особняк приехала в Германию, чтобы проконтролировать разрушение промышленности страны, и убедилась в том, что все требования Антанты Германия выполняла. Но один из членов комиссии, офицер английской химической службы лейтенант Лефобур, выпустил книжку, которая была вскоре переведена на все языки. Он назвал эту книжку «Загадки Рейна», «Загадки состоит в том, что на Рейне и его притоках были сосредоточены все главные германские химические заводы красок и лекарств. Лефобур доказал, что течение 24 часов любой из этих заводов по телеграмме из Берлина в тех же самых котлах, под руководством тех же химиков, тех же рабочих и из того же самого сырья может переключаться на производство взрывчатых и отравляющих веществ, являющихся страшнейшими орудиями войны. Лефобур доказал, что самое могущественное оружие войны и обороны оставалось в руках побежденной Германии и после ее разоружения — это химическая наука, кадры ученых, инженеров, мастеров и рабочих, химическое сырье, каменно-

угольная смола и химические заводы.

Оценена исключительно высоко оборонное значение химии. Лефобур был прав. Это должно учредить и нас в настоящее время. Именно в резолюции XVIII партийного съезда записано, что третья пятилетка — пятилетка химии.

По мере развития химической и оборонной промышленности в каменную угольную смолу, от которой когда-то не знали, как отделяться, стала дефицитным продуктом. Начались поиски новых и других источников получения «ароматических» углеводородов.

Еще в большем количестве чем в каменноугольной смоле углеродистые соединения содержатся в нефти. Однако нефть в большинстве случаев содержит незначительные соединения хотя и весьма сложного состава и весьма причудливого строения, но не принадлежащие к типу «ароматических». Их значительно труднее переработать в ценные для техники и промышленности фабрикат. В этом смысле их можно назвать «мертвыми» в отличие от способных к разнообразным химическим реакциям ароматических соединений. Еще не так давно углеводородные соединения, так называемые «нафта», считались пригодными лишь на топливо для котлов, паровозов, автомобилей.

А между тем подробное изучение обнаружало, что по сложности строения они напоминают азурины, токсичные кристаллы Бессеринга Менделеева — первый указавший на то, что люди, может быть, еще не досрочно, чтобы разному использовать «мертвые» углеводороды. Они имеют двойной характер нефти, в то время как она заслуживает лучшей участи. Та же изобретательность, которая привнесла в удивительный химико-органика, ныне застрахованного академика-орденоносца Николая Дмитриевича Зелинского. Уже давно он задался мыслью «оживить», «воскресить» эти «мертвые» «нафтеносные», превратить их в жизнеспособные в химическом отношении «ароматические» углеводороды. Для этого от мельчайших молекул «нафтенос» надо было суметь оторвать, отщепить «головку» углеводородной цепи, и в этих атомов водорода. Такое «обезводороживание» наполовину, или дегадирование, должно изменить ароматический характер молекулы «нафты и этим «воскресить» их, или, как выражается Н. Д. Зелинский, «ароматизировать» нефть. Пусть читатель задумается, какие неограниченные ресурсы нефтяного сырья, которым так богата наша страна, могут поступить в распоряжение промышленности и населения страны при такой переработке нефти. Пусть он вспомнит, как разнообразны и важны те продукты, которые в настоящее время можно производить из каменноугольной смолы в сравнительно ограниченном количестве. Читатель должен задуматься, какое значение имеет работа нашего знаменитого советского химика Н. Д. Зелинского, постигнувшего много лет своей жизнью разрешению этой задачи.

Однако не нефть является на первом плане главным хранилищем углеродистых соединений, являющихся сырьем для углеводородов. Гораздо более мощны и значи-

Академик Алексей Евграфов Фаорский.

слоты, лаковые эфиры, жиры, белки, сахар, мочевина, по обычаю признаемо, создаются только в результате деятельности живых организмов, под воздействием особей, «богом удивленной» «живишной силы» («viva vivamus»).

Порядку говоря, производство сахара и спирта, уксуса и душистых эфиров, смолы и резины состоит из миллионов «объектов».

И ввиду в 1828 году немецкий химик Фридрих Велер произвел из «неорганических» материалов в своей лаборатории метанол — первое искусственно полученное «органическое» вещество!

Это открытие не только совершило громадный переворот в самой химии, но и занесло существовавший «удар» «таинственной» теории, являвшейся одной из важных основ идеалистического мировоззрения.

Вслед за этим первым «синтезом», т. е. искусственным воспроизведением нового сложного химического вещества из более простых, число искусственно полученных «органических» веществ стало множиться чуть ли не с каждым днем. Великий французский химик М. Бертелло в своей знаменитой книге «Органическая химия, основанная на синтезе» (1860 год) развернул перед изумленным взором современных ему

Академик Николай Дмитриевич Зелинский.

Восстание Наполеона из Москвы. С рисунка Н. Сажокина.

Ответ генералу Раппу

Наполеон вторгся в Россию. Чтобы не пустить французов в богатую хлебом Украину, Отдельный корпус генерала Эртеля засел в лесных гущах Полесья.

Генерал Эртель выбрал своим местопребыванием Мозырь, грядный городишка с тремя церквями, костелом и синатогой. Известие о занятии французами Вильны встревожило Эртеля. Его жена с детьми госпиталь там в эти дни у больного старшего брата. Успела ли выбраться она из Вильны?

Однажды в полночь адъютант доложил генералу, что его хочет видеть какой-то незнакомый.

— Введите!— приказал генерал. Двое часовых ввели в комнату крестьянина, внешность которого была необычна для обитателя Полесья. Вместо соломенной шляпы, лаптей и коричневой свитки с красным кушаком на неизвестном был черныш кафтан, цыганские сапоги и картуз польского покор.

— Ну что, братец?— спросил генерал.— Жалоба у тебя на солдат какая? Да ты отступай!

Крестьянин заговорил по-польски: — Имею важные сведения о расположении французской армии.

Эртель недоверчиво нахмурил пыльные брови. Шрам на лбу и выкатаный правый глаз были явными орудиями генерала в русских войнах против шведов.

— Что ж, Докладымай!

Крестьянин молча и многозначительно оглянулся на адъютанта, писаря и часовых. Генерал приказал:

— Оставьте мне одних.— Когда пришел был наполеон, неизвестный перестал стучаться, извлек из кармана старинный перстень с дворянским гербом и вынул его на ладонь. Пальцы были тонкие, длинные, хрупкие. Тут генерал заметил, что все обличье неизвестного: его стройная, статная фигура, тонкий нос и изменные красивые глаза—все выдало в нем польского шляхтича. Незвестный заговорил по-французски:

— Я польский дворянин и полковник армии его величества французского императора.

— Прощу вас сесть.

— Одождите, генерал, перочинный ножик.

— С удовольствием, полковник!

Неизвестный проворно перепро сержанью подкладку кафтана и извлек пакет с сургучными печатями.

— Генерал! Я парламентер французского команданта Вильны генерала Раппа.

— Странно. Парламентеры не являются тайно.

Недоумение ваше рассеется, генерал, когда вы увидите этот пакет.

Словам почта, Эртель принялся читать. В нем было написано следующее:

Генерал Эртелю.

Отец и жена Ваши с детьми, сестра и старший брат заключены в Виленскую крепость. Если Вы сдадите Мозырь, они будут освобождены, а в противном случае—расстреляны.

Командант Вильны генерал Рапп.

Postscriptum: Если вам угодно переменить службу, то вы займете самое почетное место в армии моего императора.

Генерал с секунду сидел словно огулашным ударом бича. Ему припомнились кровавые расправы наполеоновских маршалов над мирным населением Испании. Зорко селся за своей добычей, французский полковник развилко заговорил:

— Император при его вступлении в Вильны встретил члены магистрата с калачами города, а вечером город был иллиоников и горелике транспортах изобразкам падение России и могущество торжествующей Франции. Пришла роковой час России! Все рухнет, Варшавская империя рассыдется в прах. Послушайте, генерал! А вы знаете, что в армии французского императора 190 тысяч ваших соплеменников-пруссаков, баварцев, саксонцев, австрийцев? Это десятая часть великой армии!

— Знаю,— глухо сказал Эртель.

— Значит, вы воюете против соплеменников? Ах, генерал, не будьте глупцом! Бросьте размышлять о долге, чести, святости присяги и прочей чепухе. Жизнь есть жизнь! Получайте о будущем. Когда развалится Россия, сколько русских генералов останутся без дела! Вас-то как немца выпышнут в отставку в первую очередь. Куда денется по старости? Да на что вы тогда вне военной службы? Кто скажет вам тогда спасибо за отказ

перейти на службу к французскому императору? Вместо благодарности на вас будут указывать пальцем и говорить с презрением: «Вот один из тех, кто довел Россию до гибели!»

— Убегите парентен. Мне нужно пожать адъютанта,— сказала Эртель и горюливо спрягла пакт в шкатулку.

Адъютант Эртель приказал: — Накорните поляка, а ко мне не появляйтесь никогда!

Адъютант удалился с неизвестным.

Эртель стиснул адюноним голову, с минутку пристально глядел в окно на темную площадь, потом решительным жестом вынул бумагу и стал писать.

Генерал Раппу!

К сожалению, моя нерусская фамилия и происхождение волея Вас, генерал, а заблуждение. Жена моя—русская, дети—тоже, а я своей семидесятилетней беспорочной службой мною, кажется, полное право с гордостью считать себя принадлежащим к русскому народу. Не скоро жажду страдания, причиненных мне Вашим письмом, но как ни ужасна судьба моих родных, я не изменю присяге и доложу перед моим великим русским народом.

Генерал Эртель.

Запечатан пакет, генерал уперся локтями в стол и опять обхмутил голову. В этой позе он просидел довольно долго. На окраине города выла собака. К соборной церкви проскакала кизяк. Пронизывая смелыми часовой. На пакт утлая сена. Эртель вздрогнул и вызвал адъютанта:

— Дайте сюда поляка! У меня есть к нему еще несколько вопросов.

Часа через два тайного французского парламентера с отставкой Эртеля, зашпак в полу кафтана, бережно вывели за линию секретов, охраняющих город.

Прошла половина. За это время русская армия отступила с боями к Витебску, Смоленску, Москве, но Отдельный корпус генерала Эртеля попрежнему оставался в Полесье. Никаких вестей о судьбе родных Эртель не получал. Он так же не ладил, утратил, молчалив и в удачном нападении на завоевавшихся поляков и австрийцев под Гауском вел себя с такой безудельной хитростью, словно твердо решил расстаться с жизнью. Но генерал остался жив.

Наконец счастье изменило французскому императору. Великая армия победола из Москвы. 24 ноября 1812 года Наполеон, бросив армию, промчался к границе мимо Вильны. Спусти десять дней после занятия этого города казаками генерал Эртель получил письмо, в нем известие о том, что все родные живы и невредны: генерал Рапп не рискуя привести в исполнение свою угрозу.

Вам Генерал Машинья? Его адрес 31-я станция, вилно.

Жюльен Сель

В последние время редакция получала немало писем с просьбой дать на страницах «Белых страниц» посвященные образам мировой литературы. Статьи М. Дальцева «Жюльен Сель» и «Жюльен Сель» в журнале «Смена» привлекли внимание читателей.

Поиски героев всегда были интереснейшей проблемой для художников всего мира. Пытливо выискивались в кругу своего поколения, писатели старались отнести к нему то, что характерно для времени, что отличает новую эпоху от старой. Так было во времена Гомера, так продолжается и в наши дни. Литература девятнадцатого века, века непрекращающихся социальных потрясений и великих научных открытий, особенно богата жизнеиспытанными героями своего времени.

Среди романов этого типа почти нет произведений оптимистических. Их тема — конфликт между сильным, одаренным человеком и тупой, безразличной волей буржуазного общества, которое ломает и губит все несогласное, подчиняется его жестоким законам. Они все удивительно непохожи друг на друга, эти молодые люди: Раш и Растиник, Сель и Песочин, Вертер и Раскольников. Их судьба различна, но всегда одинаково печальна. Раскольников идет на каторгу, Вертер умирает из-за любви, Сель и гильотинируют, и даже самый благополучный из этой плеяды, Растиник, идет в общество, которое презирает. Трагическая смерть или томительная неудовлетворенность — вот финал любого из этих произведений.

Если литература девятнадцатого века дала нам образ ослеплого, но самозабвенно живящего человека, то современная буржуазная литература просто не может найти героя. «Наше молодое поколение осталось без героев», — эту горькую правду о своих современных высказала американская писательница Мексин Девис в книге «Потерянное поколение».

Литература нашей страны выдвинула своих героев: это Павел Корчагин и замечательный солдатик Антона Макаренко, это «Басис из Чкалова Дербента» Крымова и Чкалов, это «Лысенко и «Патриоты» Диковского.

...Когда он не без труда вытаскивал шапку из старых волос, Матильда гордо прибавлялась к нему, всякая доловная Антона Павловича... (СТЕНДАЛЬ «Красное и черное».)

Литература и жизнь тесно переплелись у нас между собой. Настоящими деятелями эпохи любуются как литературным обогащением, как образом высокого искусства, а к литературному образу предъявляются строгие требования как к своему современнику.

Черты лучших представителей нашей эпохи: уважение к труду, преданность идеям социализма и горячая любовь к своей родине — старались заглянуть, которую поставил перед молодым поколением Ленина на III Всероссийском Съезде Российского Коммунистического Союза молодежи.

«Мы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представлял из себя груду развалин... Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество».

Чтобы знать, надо сравнить, чтобы не терять перспектив, нужно изучать, что оставило после себя искусство буржуазной эпохи. Поэтому для молодого читателя наших дней будет особенно поучительно познакомиться с произведениями, рассказывающими об истории молодого человека прошлого века.

Среди этих произведений «Красное и черное» Стендаля занимает особое место. Это первый роман о человеке из низших классов, пробивающем себе дорогу вверх. История Жюльена Селя — история одаренной, исключительной натуре, не заботящейся и не сумевшей приспособиться к требованиям враждебного ему мира.

Действие в романе происходит во время царствования Карла X, в период, когда во Франции, еще живо поминицей дни Великой французской революции, наступила самая страшная реакция. Сам плотника, Жюльен Сель попадает в дом верверского prefecta Реналь. Ограниченный и чванный Реналь безрешительно своим детям учителя только для того, чтобы вызвать зависть друзей.

В доме Реняля, где все кричат о показном богатстве и аристократическом превосходстве хозяев, Жюльен чувствует себя выше окружающих людей. В то же время он унылен и одинок. Стремится отомстить за ложное превосходство тупых буржуа. Жюльен уважает жену prefecta госпожу Реналь. Но эта женщина так искренно любит Жюльена, что и он влюбляется в нее со всем пылом двадцатипятилетнего холостяка. Об этой любви узнает верверское общество, о ней подозревает и Реналь. Жюльен вынужден бежать.

Он поступает в школу незнаком, здесь он снова обречен на одиночество и лишение среди хитрых и жадных товарищей и фальшивых интриганов — учителей. Аббат Пира, директор школы незнаком, единственный человек, относящийся с симпатией к Жюльену, отправляет его со своей рекомендацией в Париж к маркизу де ля Молю. Там, в кругу людей, состоявшихся славы общества и решающих судьбу страны, Жюльен вначале кажется невольным, необразованным, потом, благодаря своему уму, энергии и неукротимому честолюбию, добивается полного доверия маркиза.

В него влюбляется дочь маркиза де ля Моля, Матильда. Она должна выйти замуж за Жюльена, несмотря на отчаяние честолюбивого отца, мет-

...Жюльен вздрогнул, услышав у самого уха матильды слово, спрячавший его — Что вам здесь, видать, даше мое? (СТЕНДАЛЬ «Красное и черное».)

дства отца для дочери о титуте герцогами, но в это время приходит письмо от госпожи Реналь. Это письмо продиктовано ревностью. Госпожа Реналь пишет, что Жюльен — человек корыстолюбивый, что он привык делать свою карьеру с помощью женщины, Жюльен, узнав о письме, едет немедленно в Вервер и стреляет в госпожу Реналь. Жюльена судят. На суде он объясняется с обвинительной речью к своим судьям, описывает его с беспощадной внимательностью, характерной для этого писателя. В сущности «Красное и черное» можно было бы назвать биографическим исследованием, настолько точно, холодно и беспристрастно автор следит за поведением Жюльена Селя.

В своем романе Стендаль, все сочувствие и симпатии которого на стороне своего героя, описывает его с беспощадной внимательностью, характерной для этого писателя. В сущности «Красное и черное» можно было бы назвать биографическим исследованием, настолько точно, холодно и беспристрастно автор следит за поведением Жюльена Селя.

При этом психология героя у Стендаля всегда тесно связана с социологией, исследование характера для него — задача историческая. В двадцатых годах во Франции, охваченной жестокостью реакции, каралась не только приверженность к идеям Великой французской революции, но даже воспоминание о героических походах армии Наполеона. В лице Жюльена Стендаль изобразил характерную фигуру двадцатых годов, выходящую из эпохи, для которого образ безвестного коринского офицера, ставшего императором, был идеалом. Жюльен мечтает стать победителем, таким же как и его герой Наполеон.

Жюльен — крайний индивидуалист, он обречен на социальное одиночество. В своем классе он не видит ничего, кроме тупости, жадности и страсти к лживому. Жюльен ставит себя выше окружающего общества, все недостатки которого для него очевидны. С упорством человека талантливому он тренирует себя в этой исключительности, не считаясь ни со своими, ни с чужими чувствами.

Жюльен страшно боится оказаться нежным и чувствительным там, где, по его мнению, следует быть завоевателем. С необычайной точностью и объективностью Стендаль рассказывает о поведении своего героя в ту ночь, когда он овладел госпожой Реналь: «Вместо того чтобы все свое внимание обратить на восторг, ни возбуждающий, и на раскаяние, еще увеличивающее их стыд, мысль о драготе на минуту не выходила у него из головы. Он боялся, что будет потом сильно раскаи-

ваться и надлетает на себя вечный позор, если удалятся от идеала, взятю им себе за образец. Одним словом, именно то, что делало из Жюльена существо высшее, это самое и мешало ему наслаждаться своим счастьем. Его можно бы сравнить с шестнадцатилетней девушкой, имеющей прекрасный вид лица и, несмотря на это, имеющей безумие румяниться, собираясь на бал.

В Жюльене Сореле все время происходит борьба между великодушным сердцем, жаждою деятельности и ослепленностью мести. Живя с волками, он вынужден быть по-волчьи, то есть пользоваться теми же средствами, что и протраивает им общество. Академику лицемерия он пришел в школе реинтон. Вот как говорит Стендаль об этом тяжелом для героя времени: «После нескольких месяцев ежесекундного прилежания Жюльен все еще имеет мысленный вид. Его манера двигать глазами и губами еще не говорила о вере слепой, готовый всему верить и все поддерживать, даже через мучительство. Жюльен с гнивым видом, как его преследуют в этом самом грубом крестьянском ике был основательные причины не иметь мысленного вида. Сколько трудов положил он на то, чтобы добиться этого вида горчичь и слепой веры, готовый всему поверить и все верености.»

Пробив такую жестокую закалку, Жюльен не робеет и не восхищается парижским светом, как подобает по традиции новому провинциалу. Наоборот, он сразу определяет всю поверхностность и пустоту окружающих его людей, скрытую за внешним изяществом. Жюльен хочет получить признания за свои личные качества, а не за наследственные заслуги. Это ему удается не без труда, но удается блестяще. Среди богатых и известных мелочах людей, окружающих маркиза де Моли, нет ни одного человека, которого можно было бы послать заграничу с ответственным дипломатическим заданием. Поручение, от которого зависит будущая политика страны, выполняется Жюльеном.

Но как быстро истощаются все средства в обществе, которому ненужны ни ваша энергия, ни ум, ни сила! Вернувшись из Лондона, Жюльен видит, с каким ужасом отпихивается маркиз к его брату Матильде. Все личные качества Жюльена превращают один только титул герцога; чего бы ни достиг он в обществе, всегда он останется только сыном лавина.

Жюльен как бы изверил потолок, выше которого не мог подняться, и остановил свой полет. Интересно, что в тот момент, когда Жюльен стреляет в госпожу Реналь, он ненавидит ее меньше, чем в самом начале романа. Лаконично, с присущей ему холодной внимательностью Стендаль описывает встречу в церкви, где Жюльен стреляет в госпожу Реналь. И сразу становится ясно, что Жюльен идет на убийство не из мести, а ради последней, совершенно бескорыстной проверки своей исключительности.

На суде, впервые отбросив сдержанность и лицемерие, Жюльен говорит во весь голос с погубившим его обществом: «Будь я и менее амбициоз, я встретил бы в вас людей, которые, не останавливаясь на сострадания к моей молодости, пожелаю в моем лице наказанья и навсегда отбить охоту к возвышению у молодых людей низшего класса, угнетаемых бедностью, имея, конечно, счастье получить хорошее образование и смелость вступить в среду, которую чопорность буржуазии называет хорошим обществом.»

Смелость, с которой Стендаль подыграл все существующие авторитеты, была недопустима его современникам. Великий писатель и сам не ждал широкого признания или жизни. В своих дневниках он признавался, что пишет для будущего, что найдет своего читателя спустя сто лет, в 1935 году. Стендаль не ошибся. Для нас его роман полон самого глубокого интереса, в нем Стендаль с предельной точностью великого мастера описал, как человек, угнетенный своим социальным положением, пытается найти выход за пределами своего класса и гибнет под ударами общества, построенного на социальном неравенстве.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО!

ПЕСНЯ МОЛОДЫХ ТУРИСТОВ

Текст Я. БЕЛИНСКОГО

Музыка Е. ЖАРКОВСКОГО

ТЕМП МАРША

ПЕЛИ

(Текст песни см. на последней обложке.)

Шахматы

Отдел ведет Л. Гугель

РЕКОРДНАЯ ЭКОНОМИЯ

Задача № 182
А. Лебедев (1929 г.)

Мат в 2 хода.

Задача № 183
Г. Веников (1918 г.)

Мат в 2 хода.

Задача № 184
М. Марбо и Г. Бетмана (1915 г.)

Мат в 2 хода.

Трудно представить, что в форме задачи-миниматора (то есть композиции, насчитывающей не более 7 фигур) можно выработать одну из совершенных стратегических тем. Однако это достигнуто. Вот несколько таких задач.

В задаче А. Лебедева проходит в двух вариантах блокирование полей, причем в одном — так называемое сложное блокирование (с выключением белой ладьи d1 на матующем ходе). В следующей задаче приведена тема Гриншот — взаимное перекрестие двух черных фигур на одном поле. Задача М. Марбо и Г. Бетмана построена на тему, образно названную американцами «железница» (перекрестие) и заключающаяся в четырехкратной игре черной пешки. Наконец в четвертой задаче проходит так называемое полувываживание (при отходе одной черной фигуры).

ДВАДЦАТЬ ПРЕМИРОВАННОЙ ПАРТИИ

В игре состоялся необычный шахматный матч. Лучшие шахматисты Москвы играли с ленинградцами... но радио.

Радиомачт окончился победой ленинградских мастеров. Для установления соревнования были установлены две специальные премии.

Одна — за выигранный самой короткой партией, другая — за наиболее содержательную и красивую партию матча.

Первым закончил игру самый молодой участник соревнования — студент-комсомолец Василий Смыслов. Он выиграл партию у одного из опытных ленинградских мастеров — И. Л. Рабиновича.

Задача № 185
А. Соловьев (1929 г.)

Мат в 2 хода.

ры другая оказывается связанной).

Эти задачи, в полном смысле слова, редарды по своей сложности.

Работа над составлением такого рода задач способствует углублению техники молодого составителя.

Спустя несколько дней прибыла телеграмма от судьи матча гроссмейстера П. Кереса (Эстонская ССР). Он должен был присутствовать вторюю время за самую красивую партию матча. И эту премию он присудил В. Смыслову.

Вот эти двадцать премированная партии. Белыми играл Смыслов, черными — Рабинович.

1. e2—e4 e7—e5
2. Kf1—f3 Kf8—e6
3. Cf1—b5

Изобретено новое начало (так называемая испанская партия) приписывается испанскому испанскому шахматисту XVI века — Руо Лопесу. Основной мотив испанской партии — давление в центр, вы-

текающее из угрозы размена на e6 и выигрывает пешки e5. Шахматные теоретики много потрудились над тем, чтобы найти удовлетворительную защиту для черных. За последние 30—40 лет были найдены несколько вариантов, обеспечивающих черным равную игру. Один из этих вариантов, подробно исследованных знаменитым русским игроком М. И. Чигориным, встречается в настоящей партии.

- 3. ... e7—e6
- 4. Сb5—e4 Kf8—e7
- 5. 0—0 Cf8—c7
- 6. Лf1—e1 b7—b6
- 7. Сd3—d3 d7—d6
- 8. e2—e3 0—0
- 9. d2—d4 Ce8—g4
- 10. Ce1—e3 Лf8—e8

Начиная было бы 10. ... K:f4 11. Сb5—F47 12. С:e4 f5 13. Сe2 e4 и так далее.

- 11. Kb1—d2 d6—d5
- 12. h2—h3! f5—f4
- 13. ... e4—e3
- 14. ... e4—e3
- 15. Kd1—f1
- 16. ... e4—e3
- 17. Cd5—e4 Ce8—e6
- 18. Фd1:d8 Ce7:d8

На 18. ... Л:d8 последовало бы 19. Kf3—d2 20. Сb6 с выигранным матом.

- 19. Kf3—d2 Ce4—d3
- 20. Сe3—d4 Сd8—e5
- 21. ... e4—e3
- 22. Kd4—e5 Cd3—g6
- 23. b2—b3! Лe8—b8

С целью ввести в игру отрезанного коня

- 24. Kf1—e3 Kd5—b7
- 25. Kc5:b7 Cf4:e3

Иначе 26. Ke3—g2 и матем f2—f4

- 26. Лe1:e3 Лb7—b6
- 27. f2—f4 h7—h6
- 28. f4—f5 Kc7—b7
- 29. e5—e6! f7:e6
- 30. Лe3—e6 Лa8—e8
- 31. b3—b4 Kf8—f7
- 32. Лd1—e2 Лe8—e7

С реташецией угрозой Kр3, Kр4, h3—h4 и g4—g5

- 33. ... a6—a5
- 34. e2—e3 a5—b4
- 35. a3—b4 Лc7—e6
- 36. Kрf2—g3 Лb7—d7
- 37. Kрg3—f4 Kрf7—f8
- 38. Сd4—e5+ Kрf8—f7

Иногда 38. ... Kрg8 из-за 39. Лe3+! e8—f8 и 41. Лb3x39. Лe6—e7+ Лd7:e7

- 40. Лe1:e7+ Kрf7—f6
- 41. h3—h4! Сh7:f5
- 42. f:g Kрe4—g4 h5+g4 42. ... e6 g4 e4 g5+! 42. g4:f5 Черные сдались.

Шахматная терминология

Рисунки МОА

— Все же мне Кольца — пешки завязались e2, e2...

... Обычная ошибка после поперечной подготовки...

...В кейтстве... (оказуется окнами).

РЕШЕНИЯ [сМЕНЫ № 2]

Задача № 179. Я. Зильберман. 1. Кe5—d7. Грозит 2. Лb3—d3 x3. Главные варианты: 1. ... Лf4—d4 2. Кf7:b5x3 (ладья перекрестит фигуру); 1. ... Фf2—d2 2. Лb3—d3x3 (взрывает ферзь, перекрестит ладью). Тема Гриншот (взаимное перекрестие) при необычном фигурном материале. Интересна и дополнительная вариация.

1. Задача № 180. Э. Печенина. 1. Сb5—b4. Для блокирования с выключением белой фигуры на матующем ходе: 1. ... Сb5—e2 2. f2—f4x3 и 1. ... Сb5—e2 2. f2—f3x3. Недостатки задачи: дуали (возможность матовать двумя способами) и варианты вариантов. Задача № 181. Ю. Солнцев и М. Когана. 1. Лb3—b3 Сb6—e3 2. Лb3—f3 Сe3—e3 3. Лf3—f5 и 4. Лf5—e5x3.

Формально автор В. И. Урина.

Ответственный редактор М. Г. ОСИПОВ.

А 37843. Подп. к печати 5/У—41 г. Изд. № 532. Формат 72x100 см. 4 п. л. 98 000 зн. в печ. л.

Зак. 1169. Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Мы придем к началу года
вновь под школьный кров,
Отражем мы пыль походов
с грубых башмаков.
Вспыхнут смех и разговоры
вновь среди друзей,
Вспомним светлые просторы
родины своей!.

Здравствуй, лето, здравствуй, отдых,
странствий ветерок!
Нас зовут опять в походы
тысячи дорог!
Солнце машет ярким флагом,
скор и легок шаг,
В руку — палку, на бок — флагу,
за спину — рюкзак!

Яков БЕЛИНСКИЙ

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО!

ПЕСНЯ МОЛОДЫХ ТУРИСТОВ

Здравствуй, лето, здравствуй, отдых,
странствий ветерок!
Нас зовут опять в походы
тысячи дорог!
Солнце машет ярким флагом,
скор и легок шаг,
В руку — палку, на бок — флагу,
за спину — рюкзак!

Нет родных краев чудесней,
только выбирай,
Пусть подхватят нашу песню
Мурманск и Алтай.
Мы найдем в пустынях спящих
русла синих рек,
Сквозь леса пройдем, где в чащах
не был человек!

На веревках — вверх по склонам,
через реки — вброд!
Для туристов закаленных
путь один — вперед!
Молодой поны отваги,
ловки и смеги,
Разобьем походный лагерь
на плече скалы!

Фото Н. Сергеева

